

Юрий МАЛОВ
СПЕКТАКЛЬ НА ТРАВЕ
[Советская Россия, 1988]

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сквозь щели традиций
Исторические параллели на нулевом меридиане
Играли короли
Джентльмен-спортсмен
За оградой Уимблдона
Центральный корт
Большой теннис – большой бизнес
Теннис и наркотики
Финальный акт

СКВОЗЬ ЩЕЛИ ТРАДИЦИЙ

Может ли быть что-либо общего между недавними решениями палаты лордов британского парламента позволить вести прямую телетрансляцию своих заседаний, англо-французским соглашением о строительстве железнодорожного туннеля между двумя странами под проливом Ла-Манш и отменой в Уимблдоне с 1986 года обязательного правила играть на этом теннисном чемпионате мячами только белого цвета?

Непосвящённому, естественно, представляется просто невозможным привести такой разноплановый набор фактов к общему смысловому знаменателю. А он есть. С определённой натяжкой они могут быть отнесены к явлениям одного порядка. Их роднит явный замах на традиционную неприкосновенность сложившегося в Англии процессуального ритуала, обрамляющего многие аспекты местной жизни, и всё ещё бытующего здесь "островного" образа мышления, попытка внести в них корректировки в духе времени.

И сегодня в поверхностно-туристическом восприятии этой страны всеобщее внимание по инерции прежде всего фиксируется на некоторых всё ещё сохраняющих неизменность сторонах богатого исторического прошлого Великобритании, на её многочисленных памятниках собственной и завезённой из других стран культуры, на 26 тысячах официально зарегистрированных монументах и исторических зданиях былого имперского величия, безмолвными "часовыми" стоящих на перекрёстках истории этого государства.

Красные двухэтажные автобусы, как всегда, степенно, с вежливой грацией слонов протискиваются сквозь запутанный лабиринт узких лондонских улиц, примерно соблюдая правила автомобильного движения.

Англия упорно продолжает оставаться одной из немногих стран мира, где автотранспорт движется по непривычной для европейцев левой стороне. Кучерам, сидящим на козлах экипажей так было удобнее управлять лошадиной упряжкой в узких улицах Лондона и других городов этой страны – справа оставалось место для замаха кнутом. А посему до сих пор у всех автомобилей здесь руль расположен с правой стороны. Они сплошным потоком заполняют улицы Лондона, ловко шмыгая между неповоротливыми автобусами.

Частыми вкраплениями в этой автомобильной массе выглядят чёрные жукообразные лондонские такси, нарочито старомодная внешняя форма которых только подчёркивает их манёвренность.

В центре Лондона повсюду многолюдно. Может быть, такое впечатление усугубляет вечно присутствующая на лондонских улицах прослойка глазующих по сторонам туристов. Однако хватает и своих горожан, спешащих по неотложным делам в любое время дня. Мужчины постарше – в консервативных костюмах, помоложе – одеты с нарочитой небрежностью, обязательной модной "небритости". Женщины всех возрастов демонстрируют "плечистый" силуэт.

Стоят в зелёных фирменных ливреях и цилиндрах благообразные служители у входа в фешенебельный "Хэрродс", помогая его клиентам усесться с покупками в вызванное такси или собственный лимузин.

В карауле у Букингемского дворца и Адмиралтейства в красных кителях и негнущихся ботфортах застыли королевские гвардейцы, извечный объект туристической фотоохоты, косвенное напоминание о былом имперском величии Великобритании.

Само королевское семейство постоянно в центре внимания местных средств массовой информации, которые ежедневно в деталях рассказывают об участии того или иного члена разросшейся в последние годы королевской семьи в том или ином благотворительно-протокольном мероприятии. И не только об их официальной деятельности, но и о семейных событиях, судьбах ближайших родственников царствующего монарха, повседневных заботах королевского двора. Их здесь тоже хватает, разумеется, они несколько иного плана, чем у "простолюдинов".

Так, средства массовой информации этой страны провели довольно бесцеремонно, особенно на взгляд иностранца, ревизию личного гардероба принцессы Даяны – жены наследника престола принца Чарльза. Как стало известно, за 6 лет совместной супружеской

жизни её личный гардероб пополнился 80 костюмами, 60 вечерними туалетами, 50 платьями, 72 шляпками, 55 блузками, не считая, конечно, нижнего белья и прочей расхожей одежды.

Такая публичная опись туалетов, надо отдать должное местной прессе, проводилась по-деловому, без лишних эмоций, с очевидным для английской публики подтекстом: дело, мол, житейское – туалетов, конечно, многовато, да на то ведь она и принцесса!

То, что королевская семья живёт своей особой, недоступной для простого смертного жизнью, является для среднего англичанина фактом само собой разумеющимся, не подлежащим каким-либо сомнениям, тем более критике. Точно так же, как и существующий автономно, по собственным законам и укладу, узкий, но чрезвычайно влиятельный в этом обществе мирок клубной Англии.

Затенённая высокими зданиями улица Пэлл-Мэлл в самом центре Лондона по-прежнему, как и много лет назад, ежедневно подвергается нашествию такси, которые подъезжают сюда к 12 часам пополудни – ко времени ленча, чтобы разбросать своих пассажиров по принадлежности к главным лондонским клубам, расположенным на этой улице.

Несмотря на неоднократные пророчества о скором конце института джентльменства – типичного для этой страны явления, вернее, своеобразной социальной "питательной" среды верхушки классовой иерархии местного общества, - он продолжает спокойно существовать со всеми своими вековыми традициями и необходимыми атрибутами, известными нам ещё по "Запискам Пиквикского клуба" Ч.Диккенса.

Современных английских джентльменов, группирующихся в клубах по своим профессиональным интересам, как и ранее, связывает друг с другом, разумеется, не одинаковый узел клубных галстуков, а прежде всего общность уз классовой солидарности.

На Трафальгарской площади кормят голубей и чаек, а вознесённый в небеса адмирал Нельсон со своей 40-метровой гранитной колонны всё так же взирает вдоль Уайтхолла туда вниз, где на Парламентской площади боком к нему стоит, тяжело опираясь на палку, бронзовый Черчилль. Всё вокруг выглядит как всегда или почти как всегда.

По-прежнему все магазины по воскресеньям закрыты. Ведь всё ещё остаётся в силе закон 1448 года, запрещающий торговлю по этим дням. Правда, в 50-х годах в этот закон по требованию различных заинтересованных групп и группировок населения, торгово-промышленной буржуазии были внесены многочисленные изменения и добавления, породившие колоссальную легальную путаницу в вопросе, чем же можно торговать по воскресеньям.

К примеру, в настоящее время в эти дни официально разрешается продавать периодические печатные издания, но не книги. Таким образом, говорят сторонники отмены ограничений на воскресную торговлю, складывается парадоксальная ситуация, когда в это время можно легально продавать американский журнал "мягкой" порнографии "Плейбой", но не Библию; нельзя купить мясную отбивную, но разрешается торговля некоторыми видами рыбы; можно приобрести аспирин, но не зубную пасту.

Местные торговцы уже давно наловчились преодолевать многие из таких архаичных ограничений. Наиболее простой способ – это рыночная торговля: по воскресеньям многие улицы, тупики, площади английских городов превращаются в торговые ярмарки-базары, где продаётся весь необходимый набор промышленных и продовольственных товаров. Они очень популярны у англичан, поскольку предоставляют им, изолированным городом жителям, возможность общения, своего рода "выхода в люди", а также дразнят иллюзорной возможностью купить нужную вещь намного дешевле, чем в настоящем магазине. Принадлежность того или иного базарного торговца к той или иной торговой "цепи" здесь замаскирована: каждый из них ведёт себя пускай как небольшой, но независимый предприниматель, продающий "собственный" товар.

Есть, помимо импровизированной рыночной деятельности, и другие способы обхода ограничительных запретов воскресной торговли. Нередко в открытом по воскресеньям магазине можно встретить объявление, хитро легализующее продажу предмета, запрещённого по закону: "Продаётся пакет хрустящего картофеля за 20 фунтов, к которому бесплатно прилагается сковородка".

Тем не менее, несмотря на всю абсурдность подобного положения с правилами торговли по воскресеньям, очередная попытка правительства упорядочить эту торговлю завершилась летом 1986 года ещё одним провалом. Местные законодатели под давлением церковников, определённой прослойки деловых кругов страны в который раз отклонили правительственный законопроект, отменяющий, в частности, действие закона о воскресной торговле 1448 года. Борьба за отмену этого закона продолжается и поныне.

Традиции отмирают в Англии долго и трудно, особенно те, которые с точки зрения правящих кругов ещё могут нести определённую социальную нагрузку.

Потребовалось добрых полтора века, прежде чем палата общин британского парламента в июле 1986 года большинством в один голос одобрила законопроект, запрещающий учителям государственных школ наказывать своих нерадивых учеников тростью. Потеря такого права в определённых кругах английской общественности рассматривалась как ещё один шаг по пути разбазаривания национального наследия страны. Как заявил известный местный политический деятель – противник предлагаемого нововведения в период дебатов по данному вопросу, "посылать учителя в класс без трости – это всё равно что выпускать на ринг боксёра с привязанной за спину рукой".

Чаще всего здесь, однако, происходит обратное. Отдельные традиционные особенности государственного устройства, старого быта, ритуальных обрядов жителей этой страны вдруг вытаскиваются верхами из забвения и вновь внедряются в современную жизнь с совершенно определёнными целями.

За примерами ходить далеко не нужно. Пришедший было совсем в упадок в начале века институт английской конституционной монархии в наши дни расцвёл небывалой популярностью, сознательно и заботливо выпестованный для массового потребителя местной прессой, радио и, конечно, телевидением. Начало этого "возрождения", как считают, было положено премьер-министром Великобритании У.Черчиллем, санкционировавшим в 1952 году телетрансляцию церемонии коронации нынешней английской королевы Елизаветы II.

В Англии, наряду с Испанией и Бельгией, аристократические титулы и награды феодального средневековья не только пребывают в официально узаконенном обиходе, но ещё и раздаются правительством от имени королевы в качестве престижного поощрения своих наиболее рьяных "верноподданных".

Однако за внешним фасадом неизменности местной жизни уже произошли и ежедневно происходят большие качественные перемены, которых нельзя не заметить при более внимательном ознакомлении с нею.

В последние годы из денежного обращения Англии исчезла, очевидно, за ненадобностью монета в полпенни, прекратилось производство сигарет "Стренд", знаменитых стиральных машин фирмы Дж.Блюма.

"Сотсби" – самая крупная в мире английская торговая фирма, продающая с 1944 года на своих всемирно известных аукционах произведения искусства, в 1983 году была перекуплена американским миллионером.

Элегантный отель "Дорчестер" на фешенебельной Парк-лейн приглянулся султану Брунея, который приобрёл его в 1984 году за 43 миллиона фунтов стерлингов.

Флагман лондонских торговых домов – изысканный универсальный магазин "Хэрродс" (который славился тем, что в нём можно было купить всё; куда специально приезжают за покупками толстосумы из Токио, Парижа, Рима, Нью-Йорка) – в 1984 году купили за 600 миллионов фунтов стерлингов три египетских брата-миллионера.

Главный орган консерваторов – лондонская "Таймс", наряду с такими популярными здесь газетами, как "Санди таймс", "Сан", "Ньюс оф уорлд" и "Тудей", перешла, как известно, в собственность австралийского газетного магната Мэрдока, а популярную "Дейли телеграф" купил недавно канадский бизнесмен. Другой канадский промышленник приобрёл "Фортнум энд Мэсон" – известный продовольственный

магазин в самом центре Лондона на Пиккадилли. Старинное здание в Сити, где размещалась широко известная в деловых кругах газета "Файнэншл таймс", купили за 143 миллиона фунтов стерлингов японские финансисты.

Единственный музей всемирно известного музыкального ансамбля "Битлз", с 1984 года еле-еле сводящий концы с концами в родном Ливерпуле, недавно принял выгодное приглашение перебраться, пока, правда, временно, в США, в один из торговых центров Далласа.

Даже в таком светско-аристократическом показателе, каким здесь является вхождение в избранную элиту владельцев скаковых лошадей, шейх Мактум из Дюбаи сегодня явно выделяется по количеству принадлежащих ему скакунов на фоне местных конезаводчиков.

Очевидно, учитывая активизировавшуюся в последние годы утечку национальных ценностей в руки иностранцев, правительство Великобритании зарезервировало за собой право собственности на всемирно известное наименование компании "Роллс-ройс". Так что теперь, если эту компанию и купит кто-либо, продукцию свою он называть именем компании не сможет – не имеет легального права.

Ещё более разительная информация, приоткрывающая действительное положение в стране, вкраплена в различные официальные и полуофициальные статистические опросы, исследования, с результатами которых приходится знакомить общественность, тем самым невольно поднимая завесу над глубинными социальными процессами, происходящими здесь.

Так, с 1979 года – момента прихода к власти консервативного правительства Тэтчер – почти вдвое, до 11 миллионов человек, увеличилось число англичан, живущих ниже официального уровня бедности, ещё шире стал разрыв в благосостоянии правящей верхушки этого общества и основной массы населения. В 1986 году, по официальной статистике, один процент населения страны владел 25 процентами всего национального богатства.

Англичане продолжают пить чая больше всех в мире, четыре чашки в день. Больше стали они теперь обращать внимания на сбалансированность собственного питания. Однако качественная пища продолжает оставаться вне финансовых возможностей многих семей с низким уровнем дохода, поскольку стоимость высококачественных продуктов в среднем на 35 процентов выше, чем обычно покупаемых такими семьями.

Статистические данные, опубликованные летом 1987 года, говорят о том, что за прошедшие 10 лет потребительские расходы населения страны возросли почти на 30 процентов – до 234 миллиардов фунтов стерлингов. Средний англичанин сегодня тратит на себя таким образом 5405 фунтов в год. Однако нельзя не отметить, что за этим ростом потребительских расходов скрывается неафишируемый взрыв небывалой задолженности населения, которое, по данным за 1986 год, находилось в долгу у банков по своим личным расчётам с ними на сумму 43 миллиарда фунтов стерлингов, другими словами, в три раза больше, чем в 1976 году.

Никто не знает точно, сколько в Великобритании сегодня бездомных. Косвенно данные показывают, однако, что их число постоянно увеличивается. За последние 5 лет, в частности, от 160 до 203 тысяч человек в год заявляют, что им негде жить.

За годы правления М.Тэтчер число владеющих собственными домами увеличилось в Англии с 57 до 63 процентов, что выдаётся за большое достижение социальной политики правительства. Однако при этом никогда не упоминается, что за тот же период число домов, которые забираются у владельцев за неуплату предоставленной им рассрочки платежа, возросло в 5 раз, а общая сумма задолженности населения за оплату собственного жилья достигла в 1986 году 153 миллиардов фунтов стерлингов – рост в 3 раза по сравнению с 1976 годом.

Разве можно удивляться в этой связи тому, что кражи в местных магазинах в последнее время оцениваются в сумму порядка 1 миллиарда фунтов стерлингов ежегодно.

Великобритания, по свидетельству местной прессы, является одной из самых "нездоровых" промышленно развитых капиталистических стран мира во второй половине 80-х годов, с наиболее низкой продолжительностью жизни населения и наиболее высокой степенью заболеваний. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний является здесь самой высокой в мире.

Число англичан, регулярно посещающих церковь, докатилось в последние годы до рекордно низкого уровня – 7,3 миллиона человек: английская публика сегодня отдаёт явное предпочтение развлекательным телепрограммам, а не церковным службам.

Почти треть мужчин в возрастной группе 18-24 года начали употреблять крепкие алкогольные напитки, не достигнув 15-летнего возраста.

Официальное число зарегистрированных в стране наркоманов составляет 10000 человек, но сами сотрудники министерства внутренних дел говорят: чтобы реально представить всю серьёзность данной ситуации, следует официальную цифру умножить на 5, а ещё лучше – на 10, это и будет более или менее реально соответствовать действительности.

"Мы пробуждаем себя стимулирующим препаратом, засыпаем при помощи снотворного и проводим большую часть своего времени, взбадривая себя телевизором", – подытожила очередной опрос общественного мнения лондонская "Дейли телеграф" в конце 1986 года.

Ежегодно около 200 000 англичан пытаются покончить жизнь самоубийством. Причём в последние годы здесь прослеживается явная тенденция – рост в этой группе мужчин в возрасте 30-40 лет.

Даже собак англичане стали бросать в количествах, просто удивительных для таких любителей домашних животных. Лондонский собачий питомник подбирает на улицах города в последние годы до 20 тысяч собак.

Вежливость всегда была и пока ещё остаётся типичной национальной чертой английского характера. Пожалуй, и сегодня Англия остаётся уникальной в этом отношении. Где ещё в наши дни услышишь "извините" от незнакомого прохожего, в которого ты неосмотрительно врезался на оживлённом перекрёстке.

Однако косметика вежливости сегодня уже плохо скрадывает тот откровенный испуг, с которым всё чаще англичане оборачиваются к незнакомцу, входящему в полупустой вагон метро или автобуса в вечерний час, или просто к прохожему на пустынной улице.

Их можно понять. В лондонском метро в 1985 году было официально зарегистрировано 1515 нападений на пассажиров с целью ограбления, что, кстати сказать, было на 18 процентов больше, чем в 1984 году. В том же году на пассажиров лондонских автобусов было совершено 1200 нападений, что только на 8 процентов превзошло уровень 1984 года.

Не лучше обстоит дело и с домашними грабежами. По подсчёту специалистов, каждые 66 секунд в стране происходит ограбление дома или квартиры, которые совсем недавно гордо назывались "крепостью" англичан.

В 1986 году впервые в истории Англии был зарегистрирован случай нападения грабителя на собаку, из пасти которой был вырван кошелек владельца, доверившего своему четвероногому другу нести его.

Трудно себе представить благовоспитанный Лондон в одном ряду с забубённым Нью-Йорком по показателям преступности. К сожалению, по ряду таких показателей Лондон уже перекрывает "достижения" своего заокеанского коллеги.

46-й округ в районе Бронкса справедливо считается самым опасным местом не только Нью-Йорка, но и всех Соединённых Штатов Америки. Ежеквартально здесь в среднем происходит 11 убийств, 19 изнасилований, 718 случаев уличных краж и вооружённых ограблений.

В лондонском районе Брикстон за аналогичный период в настоящее время регистрируется 15 убийств, 18 изнасилований и 959 случаев краж, в том числе и с применением оружия. Район Брикстон расположен всего лишь в 6 километрах от здания английского парламента "по ту сторону Темзы".

В среднем же общий уровень преступности в стране с 1979 года – года прихода консерваторов к власти – увеличивается на 7,5 процента ежегодно.

Не случайно известная английская туристическая компания "Томас Кук" с 1986 года стала предлагать состоятельным клиентам-туристам в "пакете" своих услуг вариант организации тура по Великобритании или другой стране под охраной профессионального телохранителя.

"Хотя в моем возрасте я не в состоянии вмешаться и что-то изменить,- с горечью констатировал недавно скончавшийся 92-летний граф Стоктон (бывший в своё время "в миру" английским премьер-министром Макмилланом) в знаменитом выступлении в парламенте в ноябре 1984 года, – у меня просто сердце разрывается, когда вижу, что происходит в нашей стране сегодня".

Старый политик и сравнительно молодой граф имел здесь в виду не только изрядно прогнившую социальную ткань общества, но и общее состояние экономики Великобритании, сравнительный упадок промышленного производства этой некогда великой промышленной державы мира.

"Впервые со дней промышленной революции мы импортируем товаров больше, чем экспортируем, и у нас ничего нет, чтобы покрыть этот дефицит, когда истощатся запасы нефти", – констатировала "Гардиан" 29 апреля 1985 года. Эта популярная газета либерального толка, сама того, очевидно, не ведая, высветила весь драматизм положения, в котором пребывает современная экономика Англии.

Дело в том, что с середины 70-х годов Англия стала нежданно-негаданно ежегодно получать весьма значительную сумму денег, порядка 6-10 миллиардов фунтов стерлингов, в качестве платежей за нефть, добытую на прилегающих к стране морских шельфах.

Открытие этих запасов нефти, новые технологии морской добычи её, сделавшие в последнее десятилетие возможной коммерческую разработку месторождений нефти и газа в Северном море, явились "манной небесной" для Великобритании, с чем стали связываться самые радужные надежды на возрождение былого промышленного потенциала в свете последних достижений научно-технического прогресса.

Срочная необходимость принятия радикальных мер в этом направлении была в то время в стране настолько явной, что даже члены королевской семьи, старающиеся не вступать в острые политические дискуссии, публично призывали что-то делать в этом отношении. Принц Филип – муж ныне царствующей королевы Елизаветы – в те годы, обращаясь к деловым кругам Англии, просил их "растопырить пальцы", что в русском эквиваленте означает "засучить рукава", и срочно делать что-то для модернизации промышленного потенциала страны.

Прошло более 25 лет со дня этого призыва. Пройдён пик добычи максимальных количеств нефти и соответственно пик максимальных доходов от неё. По оценке экспертов, большинство действующих в настоящее время месторождений, принадлежащих Англии, истощатся к середине 90-х годов. Между тем, как это теперь со всё большей очевидностью понимают в стране, надежды, возлагаемые на экономическое "возрождение" на базе нефтяных доходов, явно не оправдались.

В 1957 году на 25 производимых в стране автомобилей приходился один, импортируемый из Японии, в 1986 году на 7 ввозимых из Японии автомашин приходилась одна "сделанная в Англии".

В идущей в стране дискуссии на тему об экономическом будущем всё чаще слышатся сетования на то, что Великобритания неудержимо идёт по пути превращения в третьестепенную в экономическом отношении державу по мере истощения принадлежащих ей запасов нефти.

С 1979 года промышленное производство страны сократилось на 14 процентов, и этот процесс "деиндустриализации", как его здесь окрестили, затянулся на десятилетие.

За годы пребывания у власти консервативного правительства производство в обрабатывающих отраслях промышленности сократилось на 6 процентов, и страна, имевшая положительный баланс в торговле промышленными товарами в 1979 году в размере свыше 3 миллиардов фунтов стерлингов, в 1986 году свела его с дефицитом в сумме 8,5 миллиарда фунтов стерлингов. Великобритания

сегодня занимает скромное 17-е место среди развитых промышленных государств по размерам валового национального продукта на душу населения.

Неизбежный спутник происходящих здесь экономических процессов – безработица приняла в стране в последние годы массовый характер. Несмотря на то что при правительстве М.Тэтчер 18 раз менялась методология подсчёта в стране количества безработных, их число с 1,4 миллиона человек в 1979 году возросло более чем в два раза (до 3,3 миллиона человек к середине 1986 года). И что особенно трагично для людей и чревато серьёзными социальными последствиями для страны – в рядах этой армии безработных постоянно увеличивается прослойка никогда не работавшей молодёжи.

Великобритания – родина современного капиталистического предпринимательства – поминает сегодня плоды хозяйствования по законам "свободного рынка".

Правящие круги этой страны оказались не в состоянии по своей классовой природе эффективно распорядиться теми дополнительными средствами, которые они получают от нефти, и направить их для развития или модернизации тех отраслей промышленности, которые прежде всего соответствуют интересам национальной экономики.

Вместе с тем, по инерции своих "особых отношений" с США, Великобритания продолжает постоянно наращивать военные расходы. С 1979 года эти затраты в абсолютных цифрах выросли более чем вдвое и ныне составляют внушительную сумму почти в 19 миллиардов фунтов стерлингов, или 5,1 процента от валового национального продукта, что вывело Англию на первое место среди западноевропейских стран НАТО в бюджетных затратах на военные цели в расчёте на душу населения.

Одновременно с этим в стране происходит процесс резкого сокращения капиталовложений в промышленность, поскольку неконтролируемый "свободный" частный капитал за эти годы предпочитает утекать за границу в поисках более высокой нормы прибыли. С 1986 года Англия стала самой крупной страной-"рантье" после Японии.

В сегодняшней Великобритании никому нет дела до другого, каждый заботится только о себе. Так считают 89 процентов жителей Британских островов, опрошенные в ходе подготовки телепрограммы "Мир в действии". Она демонстрировалась в начале 1987 года по каналам телекомпании "Гранада".

Учитывая, что правящая консервативная партия давно уже пропагандирует идею создания в стране так называемой "демократии индивидуальных собственников", результаты этого опроса могли бы быть истолкованы как несомненный "успех" правительства Тэтчер. С одной, правда, весьма существенной оговоркой: 80 процентов британцев, принявших участие в опросе, заявили при этом, что дела в стране застыли на мёртвой точке или даже продолжают ухудшаться.

"Кто бы ни стал английским премьер-министром после очередных выборов,- отмечал авторитетный орган деловых кругов Великобритании журнал "Экономист" в октябре 1986 года,- он неминуемо приведёт страну к разрушительному экономическому кризису. Это – не неизбежно, однако только такое реалистическое заключение может быть сделано в данный сезон политических речей и падающего фунта".

Лишь 20 процентов участников опроса разделяли наигранный оптимизм правящей партии, утверждающей, что экономическая и социальная обстановка в стране развивается по восходящей линии. Особенно недовольны своим положением, глубокомысленно заключили авторы опроса, те, у кого нет работы. А их, даже по официальным данным, насчитывалось в то время свыше 3,2 миллиона человек.

Ну а что касается кризиса системы социального обеспечения, дальнейшей поляризации материального положения населения, то это списывается, как закономерный результат "свободной игры рыночных сил". Недаром "тетчеризм" называют в Англии политикой "выживания сильнейшего".

А чтобы такая игра шла только в нужном для правящих классов этой страны направлении, они совершенно сознательно и планомерно укрепляют карательный аппарат государства, громят профсоюзное движение, исподволь расправляются с инакомыслием.

В июле 1986 года широкая общественность страны с возмущением узнала о некоторых деталях правительственного плана по переоснащению и перевооружению специальных полицейских подразделений "по соблюдению общественного порядка", насчитывающих в своих рядах 140 тысяч человек. Для усиления их "боеспособности" в городах правительством, как стало известно, были приобретены: 24 бронированных автомобиля, 80 бронетранспортёров, специальные дубинки, пуленепробиваемые комплекты одежды, ружья для стрельбы пластиковыми пулями и слезоточивым газом, радиопереговорные устройства и различное другое оборудование аналогичного назначения.

"Проблемы и кризисы, переживаемые миром капитала, - отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС её XXVII съезду, – возникают в его собственных недрах, представляют собой закономерный результат внутренних антагонистических противоречий старого общества. В этом смысле капитализм, развиваясь, отрицает себя сам".

В условиях Великобритании этот процесс до последнего времени в определённой степени искусно маскировался нарядной тканью многовековых традиций и обычаев, вытканых спецификой национального и исторического развития, в которую до сих пор довольно плотно обёрнут весь уклад жизни местного общества.

Однако эта ткань сегодня изрядно поизносилась, и в образовавшиеся прорехи всё чаще проглядывают сложные проблемы этой страны во всей своей реальной наготе.

Поскольку марксистский анализ сложившегося положения правящим кругам Великобритании неприемлем по классовым соображениям, они, естественно, время от времени выходят с собственными соображениями и рекомендациями в отношении путей и способов решения проблем, стоящих перед страной.

Так, уже упоминавшийся принц Филип 30 июля 1986 года в своём очередном публичном выступлении в Глазго по случаю проведения в стране "Года промышленности" предложил радикальный способ разрешения имеющихся в настоящее время внутренних экономических трудностей – пересадить лорда-канцлера с традиционного обшитого красным сукном мешка с шерстью, сидя на котором он ведёт заседания палаты лордов английского парламента, на железный ящик с набором ручных инструментов.

Шестьсот с лишним лет тому назад Эдвард III повелел положить этот мешок с шерстью на видное место в палате лордов, дабы он напоминал им о том, что отныне король запрещает своим подданным вывозить из страны шерсть и ввозить готовое сукно.

Сей символический акт знаменовал собой начало нового промышленного этапа развития этой страны, приведшего впоследствии к созданию национальной текстильной промышленности, торгового и военного флотов Великобритании, установлению торговых связей с заморскими территориями, а затем и их завоеванию.

Что же, совет принца, исходя из видения исторического развития Англии глазами королевской семьи, вроде бы и неплохой. Правда, лорду-канцлеру сидеть будет жестковато. Но ведь чего не сделаешь ради возрождения былого промышленного могущества родной страны.

Но примут ли его традиционалисты? А почему бы и нет?! Ведь даже в теннисном чемпионате Уимблдона заиграли, когда этого потребовали интересы коммерческого телевидения, мячами жёлтого цвета наперекор вековой традиции.

Так что поживём – увидим.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ НА НУЛЕВОМ МЕРИДИАНЕ

Полноводная, со свинцовым отливом Темза, спиралью выгибаясь, медленно катит свои воды сквозь густо застроенный и пространно расплзшийся приземистый Лондон, рассекая этот город в направлении с запада на восток на две приблизительно равные по площади половины: северную и южную.

Там, за рекой

Южная половина столицы Великобритании по возрасту намного моложе северной. Кроме того, эта часть города вне всякого сомнения несёт на себе печать явно промышленного происхождения.

Современные фасады зданий, возникшие вдоль южной набережной Темзы в последние годы, принарядили её, одновременно возведя высокий "забор", который как бы заслонил всё происходящее внутри этой части Лондона от внешних взоров с другого берега Темзы.

Несмотря на зажиточную благополучность окраин Южного Лондона, его внутренние бывшие промышленные районы, так же как и многие муниципальные жилые комплексы, в настоящее время находятся в состоянии глубокой экономической депрессии, как прямое следствие потери Англией своего бывшего промышленного могущества в целом, так и в результате происходящей в стране стихийной реорганизации промышленного производства, осуществляемой без учёта её последствий для рабочих и служащих тех отраслей экономики, которые становятся недостаточно рентабельными для их хозяев.

И хотя отдельные районы Южного Лондона по своему внешнему виду практически не отличаются от северных, эта часть Лондона в целом, вне всякого сомнения, уступает своей противоположной половине не только в престижности исторического прошлого, реальности власти настоящей, но и просто в самом обыденном качестве повседневной городской жизни. Эта особенность просто бросается в глаза, когда попадаешь здесь в места заглохшей экономической активности.

Стоит лишь немного углубиться в Южный Лондон по улицам, скажем, Саусуока, Ламбета или Брикстона, ни в коем случае не вечером, как немедленно замечаешь, что Лондон выглядит в этих местах совсем по-другому: безлюдные узкие улочки, зажатые двухэтажными строениями типовой застройки, унылые витрины скудных и редких магазинов, мусор на улицах, мёртвые глазницы разбитых окон пустующих строений. Таково внешнее обличье "кризиса внутреннего города" в этих местах Южного Лондона.

Не случайно в современном английском политическом лексиконе появился в последние годы расхожий термин, обозначающий подобные уродские "очаги" – "места, куда не следует ходить" ("но гоу эриа").

В этих местах и самый высокий в Лондоне уровень безработицы среди молодёжи, и, конечно, самая высокая преступность. Здесь больше людей с тёмной кожей, и в атмосфере местных улиц явственно ощущается расовая напряжённость, генерируемая общей атмосферой безысходности и потенциально готовая немедленно взорваться уличными беспорядками.

Официально в Лондоне таких "мест, куда не следует ходить", не существует. Есть "трудные" районы, есть городские кварталы, при посещении которых требуется принятие "особых мер предосторожности". Однако неофициально, по подсчётам популярной местной газеты консервативной направленности "Дейли телеграф", в середине 1987 года в Лондоне, главным образом в южной его части, насчитывалось до 70 таких мест.

Сюда отказываются ехать шофёры такси. Эти места уже давно не посещают почтальоны и молочники, и сами блюстители порядка предпочитают показываться здесь только в случае крайней необходимости. И всё это лишь в 3-5 километрах от здания парламента, правда, по ту сторону Темзы.

Однако, наряду с "местами, куда не следует ходить", в Южном Лондоне есть и свои достопримечательности, которыми он не может не гордиться.

Гринвич и Уимблдон

Не будет преувеличением сказать, что эти две исторические достопримечательности, вернее, то, что с ними связано, и то, что они собой олицетворяют сегодня, хорошо известно не только в Англии, но и далеко за её пределами. Хотя далеко не все знают, что, несмотря на отсутствие прямых родственных "связей", эти места роднит географическая общность: два бывших отдалённых пригорода Лондона находятся в пределах южной части этого города.

Гринвич – небольшое поселение на Темзе, мимо которого когда-то мирно прошли легионеры Юлия Цезаря по пути к переправе через реку, в наши дни входит в состав Большого Лондона и ежегодно подвергается, по самым скромным подсчётам, нашествию 2-3 миллионов туристов в год.

Толпы визитёров гонит сюда неуёмная людская потребность – двигатель туризма – отметить своим присутствием место исторического открытия, ставшего важной вехой на пути прогресса человечества.

Любовница английского короля Чарльза II герцогиня Портсмутская, как утверждают историки, рассказала как-то своему суверену о научных изысканиях одного знакомого ей француза – его попытках определять местоположение кораблей в океанских просторах на основе закономерностей расположения небесных светил. Общение с герцогиней и мысли о заморских набегах сделали своё дело: король решил не откладывать дела в долгий ящик и быстро издал указ о строительстве Королевской обсерватории "на высшей точке нашего парка в Гринвиче" с тем, чтобы научно разработать данную гипотезу для практического применения. При этом Чарльз II особо подчеркнул, что не хотел бы чтобы его моряки были лишены той помощи в навигации, которую могли бы им предоставить "небеса".

Обсерватория была вскоре построена на холме в центре просторного, изящно спланированного королевского парка, полого спускающегося вниз ко дворцу.

Разбивка этого образца классической садово-парковой архитектуры была осуществлена по проекту Ле Нотра – знаменитого версальского специалиста, который, предвосхищая общепринятую в настоящее время международную практику купли-продажи технологических разработок "ноу-хау", за большую сумму продал английскому королю свой проект будущего парка, однако отказался приехать в Лондон для осуществления авторского надзора за ходом работ по его воплощению.

С вершины холма, доминирующего над Гринвичским парком, и начались с 1676 года наблюдения за "поведением" планет.

Результатом многолетней работы этой обсерватории явилось фундаментальное исследование "Каталог звёзд" в трёх томах, большой вклад в которое внесли Л.Флемстид – первый королевский астроном этого научного учреждения, Исаак Ньютон и Эдмонд Галлей.

В этом капитальном труде впервые научно обосновывалась закономерность движения и расположения небесных тел во времени и пространстве по отношению к предметам на поверхности земного шара и были теоретически разработаны основы метода, позволяющего определять местоположение любой точки земного шара по отношению к звёздам. Система такого расчёта базировалась на условной линии, опоясывающей нашу планету с севера на юг через Гринвич.

Так, задолго до современного политэкономического наполнения понятия Восток – Запад Гринвичский меридиан расколол земной шар на две географические полусферы: Восточное и Западное полушария со всеми вытекающими для них последствиями, прежде всего во времени.

Научные изыскания Гринвичской обсерватории стали сразу же практически использоваться моряками. К концу XVIII века большинство морских карт уже несли на себе насечку параллелей и меридианов с неизменной нулевой отметкой отсчёта долготы и соответственно временных поясов от Гринвича.

Приблизительно в эти же годы подал о себе голос и "земляк" Гринвича – Уимблдон, прародитель всемирно известного чемпионата по теннису, проводимого здесь ежегодно с 1877 года за исключением 10 лет, выпавших из этого ряда в результате двух мировых войн. "Уимблдон – это старейший после монархии институт Великобритании", – пошутил как-то американский "Тайм".

Уимблдон, правильнее сказать, чемпионат по лаун-теннису, или теннису на траве, проводимый здесь, датой своего рождения может считать 2 июня 1877 года, когда частный клуб лондонских аристократов – "Всеанглийский клуб по крокету" на Уорпл-роуд-принял решение о проведении в порядке эксперимента соревнований по этому виду спорта на травяных газонах своего клуба.

Правлением клуба был назначен специальный подкомитет по разработке правил проведения таких соревнований, которые до сих пор остаются в основном без существенных изменений.

В результате работы данного подкомитета были подготовлены площадки для новой игры, и 9 июня 1877 года в лондонском журнале "Филдс" – еженедельнике "загородной жизни", или, как он ещё себя называл, "единственной джентльменской публикации страны" (того самого, в котором и сегодня в разделе читательской почты можно встретить критическое письмо герцога Роксберга по поводу "нарушения ружейного этикета" герцогом Бленфордом, или несовершенства собачьей стойки суки лорда Маунтгаррета, или неджентльменской осанки майора Вигфильда на последней верховой охоте на лис) – было помещено объявление следующего содержания:

"Всеанглийский клуб в Уимблдоне предполагает провести соревнования по лаун-теннису, открытые для всех любителей этой игры, в понедельник 9 июля и последующие дни. Плата за участие в соревнованиях – 1 фунт и 1 шиллинг.. Будут разыграны два приза: золотой чемпионский – победителю, серебряный – занявшему второе место..."

В сносках к этому объявлению давалось пояснение о том, что участники должны явиться на игру в собственных "туфлях без каблуков", мячи же для соревнований следовало брать у садовника клуба.

В первом чемпионате по теннису в Уимблдоне участвовало 22 спортсмена-любителя. В те годы к соревнованиям допускались только представители мужского пола. Женщины официально начали принимать участие в "играх" на лужайках этого клуба только с 1884 года.

После тенниса на травяных газонах этого клуба расставлялись столы, за которыми присутствующие дамы и господа пили чай, ели клубнику со сливками, ставшую со временем фирменным угощением Уимблдона, неизменно ассоциирующимся с этим чемпионатом.

Финал чемпионата 19 июля 1877 года смотрело около 200 зрителей, уплативших по шиллингу за право находиться на территории клуба. Призы победителям были куплены на средства журнала "Филдс", который, таким образом, стал первым организатором, или, по-современному, спонсором, этой игры в Уимблдоне.

В финальном матче 27-летний Спенсер Гор – отпрыск обедневшего аристократического семейства – за 48 минут разгромил своего соперника агрессивной игрой с постоянными выходами к сетке.

Несмотря на свой успех, первый уимблдонский чемпион был настроен весьма скептически в отношении перспективы популяризации тенниса.

"Отсутствие разнообразия помешает лаун-теннису в его теперешней форме занять достойное место в ряду наших великолепных игр...- писал он уже после своей победы в чемпионате.- По всей вероятности, монотонность игры "задушит" её".

Предсказания первого чемпиона, как мы видим, не оправдались. Более того, теннисные соревнования в Уимблдоне завоевали со временем признание и престижный статус спортивного чемпионата мировой значимости.

В 1986 году, в сотый, юбилейный чемпионат, Уимблдон посетило пока не превзойдённое число болельщиков – 440 тысяч человек, которые в течение двух недель соревнований наблюдали, как редели ряды 500 спортсменов, вступивших с первого дня чемпионата в борьбу за 5 чемпионских титулов этого первенства. Финальный же репортаж мужского поединка этих соревнований, помимо 15 тысяч зрителей Центрального корта, только по телевизионному каналу Би-би-си смотрело в Англии свыше 9 миллионов человек, а всего в 76 странах мира около 75 миллионов телезрителей. Победитель матча в том году, кроме чемпионского звания, получил чек на солидную сумму в 140 тысяч фунтов стерлингов, а сам профессиональный теннис как отрасль бизнеса спортивных развлечений "носителя" рекламы оценивается в наши дни годовым оборотом порядка одного миллиарда долларов.

А всё началось в Уимблдоне со скромных любительских соревнований по теннису на траве на Уорпл-роуд, которые, правда, вскоре, с 1913 по 1923 год, по решению Международной по лаун-теннису стали называться "Мировым чемпионатом по теннису на траве". Возможно, они носили бы это имя и сегодня, если бы делегация США ультимативно не поставила вопрос об отмене такого, на её взгляд, престижного наименования, выдвинув это требование в качестве обязательного условия своего вступления в Международную федерацию по теннису в 1924 году.

Как бы то ни было, спортивная игра, практически неизвестная широкой публике, бывшая до начала соревнований в Уимблдоне элитарной забавой привилегированной верхушки английского общества, начала свой путь, который превратил её в наши дни не только в популярную, любимую многими, но и сделать её транснациональной отраслью профессионального спортивного бизнеса, располагающей миллионной армией поклонников и набором собственных "суперзвёзд".

Быстрый рост популярности тенниса в Англии местные историки спорта относят главным образом на счёт двух промышленных изобретений прошлого века: механической травкосилки и каучукового мяча.

Однако истинные причины большого интереса, который он вызвал в Англии, лежат глубже, в самом характере викторианской Британии. Появление этой игры здесь и первые чемпионы Уимблдона знаменовали собой рождение характерного социального явления той эпохи.

Растущий, набирающий силу средний класс, тот самый, который совершил промышленную революцию и утвердил Британию как колониальную империю, был полон динамизма, энергии.

Бьющая через край активность молодого английского капитализма частично находила для себя выход в спорте. Не случайно именно в этот период в Англии возникают и быстро утверждаются такие спортивные игры, как футбол, крикет, регби, бадминтон, сквош. "Настоящий", или "королевский" теннис, существовавший до Уимблдона, был слишком дворцово-камерным, сугубо аристократическим видом спорта.

Выход тенниса на лужайки сделал его, как того и требовалось, намного демократичнее, доступнее более широкому кругу лиц, превратил сами соревнования в развлекательные общественно-светские мероприятия, позволяющие сочетать занятия спортом с общением лиц одного круга, материального достатка и интересов.

Игра в теннис стала как бы воскресной прогулкой, временем светского общения. Здесь, как правило, подавались прохладительные напитки, лёгкие закуски, пили чай и более крепкие напитки, гуляли по парку.

Для молодой девушки из общества стало обычным знакомиться во время таких спортивных мероприятий с молодым человеком своего круга, разумеется, под бдительным взглядом матери.

Большая заслуга в выходе тенниса "на большую спортивную дорогу" принадлежит Уимблдону, который также, как его знаменитый земляк Гринвич, приобрёл из-за этого всемирную известность. Причём так же, как и Гринвич, известность Уимблдона во многом была предопределена той популярностью, которой с давних пор пользовался "настоящий" теннис при королевском дворе.

ИГРАЛИ КОРОЛИ

Теннисные традиции, ритуал и правила этой игры, её эволюция и место, занимаемое в жизни английского общества, претерпели большие изменения за свою многовековую историю.

В одном из старейших спортивных клубов Лондона – "Куинс клубе", а также в бывшей загородной резиденции английских монархов – дворце "Хэмптон корт" до сих пор содержатся в идеальном порядке в закрытых помещениях специальные площадки для игры в "настоящий", или "королевский", теннис, на которых время от времени проводятся не только соревнования для любителей этой игры, но даже разыгрывается первенство страны.

Когда-то здесь на корте в отдельном зале жизнелюбивый король Генрих VIII проводил всё своё свободное от государственных дел, охоты и матримониальных забот время. В те годы игра в теннис была, разумеется, занятием исключительно мужским. Поэтому теннисные способности 8 законных спутниц короля-спортсмена остались к сожалению, нераскрытыми. Сам же он, по свидетельству современников, играл неплохо, хотя, надо полагать, им было довольно трудно соблюдать объективность в оценке спортивного мастерства короля-деспота.

Узкий круг любителей "королевского" тенниса в Англии, хотя и довольно малочисленный, сегодня включает и женщин. Правда, свою особую исключительность эта группа спортсменов в довершение ко всему подчёркивает нескромной претензией на более высокий интеллектуальный уровень любителей этой игры по сравнению с членами других английских спортивных клубов. Так это или нет, доказать трудно. Одно обстоятельство не вызывает сомнений: игра продолжает сохранять свои традиционные связи с королевским семейством. В неё сегодня играют все три королевских принца – сыновья королевы. Их родная сестра, правда, предпочитает теннису верховую езду.

А. Дмитриева – выдающаяся советская спортсменка, первая представительница Советского Союза, выступившая в Уимблдонском чемпионате в 1958 году и выигравшая здесь через год первенство среди девушек, рассказывает в своей книге "Играй в свою игру": "Когда однажды, играя в "Куинс клубе" открытое первенство Лондона, я забрела в этот зал, мне любезно вручили лопатообразную ракетку и указали ту половину корта, откуда следует подать мяч в боковую стенку над последней галереей, но так подать, чтобы затем он ударился о навес и так далее.

Я раза два ударила, но непривычно тяжёлый мяч шёл у меня совсем не туда, куда следует. Почтенные джентльмены сочувственно улыбались, и мне казалось, что каждый из них неизъяснимо горд своим отдалением от нынешней суеты, хотя бы в части тенниса".

Но так благостно здесь было далеко не всегда, тем более в далёком прошлом. Помните, как у В. Шекспира в "Жизни короля Генриха V" последний эмоционально, с хорошим спортивным азартом заявляет:

Когда ракеты подберём к мячам,
Во Франции мы партию сыграем,
И будет ставкою отцов корона.

Знатоки утверждают, что теннис, вернее, игра, напоминающая современные теннисные состязания, была известна ещё во времена египетских фараонов и императоров Древнего Рима.

Достоверно установлено, что с XII века игра в мяч, который перебрасывали ладонью через подобие того, что сегодня называется сеткой, прочно вошла в ритуал придворной жизни французских королей. В те времена она здесь так и называлась "же де пом" – "игра ладонью".

Задолго до Шекспира упоминание об этой игре содержалось в целом ряде литературных памятников, дошедших до наших дней. Знатный французский вельможа герцог Орлеанский, например, находясь в заточении в английском замке Уингфилд в 1435 году, в период

так называемой Столетней войны между Англией и Францией, сочинил балладу, в которой сравнивал превратности жизни, по всей вероятности своей, с перипетиями возможного развития событий в матче "же де пом".

В 1480 году французский монарх Людовик XI усовершенствовал эту игру, распорядившись в приказном порядке матерчатый мяч впредь обшивать сверху кожей. Такое нововведение заставило любителей этой игры сначала надеть на руки перчатки, а затем приступить к поиску более эффективного инструмента для перебрасывания потяжелевшего мяча.

Эволюционный процесс совершенствования основного "орудия" новой игры постепенно привёл к рождению где-то в XVI веке прародительницы современной теннисной ракетки, которая в те годы, хотя и выглядела неказисто – продолговатый деревянный обод, зашнурованный верёвочным шпагатом и грубо приделанный к короткой ручке, уже включала в себя все элементы современного теннисного "орудия".

Теннис тех времён был модной забавой придворной французской знати, которой с увлечением тешились и сами короли. Если составлять исторический список самых первых европейских теннисных чемпионов, то можно не сомневаться, что большинство из них наверняка окажутся французами королевских кровей.

Именно как "королевская" игра теннис в XVI веке перекочевал и в Англию, где за него рьяно взялись британские монархи и их окружение, чтобы не отстать от европейской моды.

Новая игра с её бескомпромиссным индивидуальным соперничеством как в атлетизме, так и в волевом настрое пришлась по душе английским аристократам. Она быстро завоевала популярность в высшем английском обществе как приятный и полезный для здоровья способ времяпрепровождения леди и джентльменов на открытом воздухе во время пикников, светских приёмов на лужайках родовых имений.

Именно поэтому и сегодня теннис в Англии по инерции называют "лаун-теннис" – "теннис на лужайке", а травяное покрытие кортов Уимблдона возникло не по прихоти организаторов этого чемпионата, а отражает историческую особенность типично британского пути развития игры.

Однако в теннис в Англии так же, как и во Франции, сначала с увлечением заиграла придворная знать исключительно мужского пола, которая немедленно возродила в нём специфическую особенность прошлого – игру на денежные ставки. Ведь, как считают, сложный базовый счёт теннисного матча, ведущийся до 60, проистекает от старинной французской монеты – луидора, содержащей в те времена 60 сантимов. Набор 60 очков, то есть выигрыш, по-теперешнему, одного гейма, в прошлом означал выигрыш луидора.

Азарт соучастия – черта, присущая национальному характеру англичан, призывно влекущая их к участию в любой соревновательной спортивной борьбе, хотя бы в форме заключения денежных пари на победителя, - очень скоро сделал теннис популярной игрой среди более широких слоёв населения имущей Англии.

Возросшее внимание английских привилегированных кругов к "королевскому" теннису навело В.Уингфилда – небогатого, но "благородных кровей" армейского майора – на мысль ещё больше упростить его для популяризации этой игры и вовлечения в неё не только джентльменов, но и леди. Кстати говоря, семейству предков майора Уингфилда принадлежал замок, в котором герцог Орлеанский написал свою поэму о "королевском" теннисе.

Как майор задумал, так он и поступил, запатентовав 24 февраля 1874 года новые правила игры в "сферистику" – таким греческим словом назвал он своё "изобретение", сделанное на основе принципиальных правил "королевского" тенниса.

Больших денег майор Уингфилд на своём патенте не заработал, хотя определённого коммерческого успеха, судя по всему, добился. Во всяком случае в своей рекламной брошюре, изданной в ноябре 1874 года, изобретатель "сферистики" с гордостью сообщал широкой

публике, что стандартные наборы игровых принадлежностей, сделанные в соответствии с запатентованными им правилами игры, уже куплены "принцем Уэльским, герцогом Кембриджским, принцессой Пруссии и великим князем – русским царевичем".

В 1875 году "сферистикой" заинтересовались элитарные спортивные клубы джентльменов столицы Англии, одним из которых был "Всеанглийский клуб по крокету" в Уимблдоне, самой распространённой спортивной игре английского высшего общества того времени. Этот клуб специально для энтузиастов крокета был образован 23 июля 1868 года. Вначале он арендовал территорию на Уорпл-роуд в Уимблдоне, а в 1881 году купил её себе в собственность за 3000 фунтов стерлингов.

Новая игра "сферистика" заинтересовала членов клуба особенно после того, как обнаружилось, по выражению одного юмориста того времени, что "в неё можно играть, не прибегая к необходимости произносить это название", Уингфилда, очевидно, убедили упростить наименование игры, поскольку под его бюстом в английской ассоциации по лаун-теннису красуется подпись: "Изобретатель лаун-тенниса".

Первенство Англии по теннису вряд ли существовало бы в своём современном виде, если бы в 1875 году "Всеанглийский клуб игры в крокет" в Уимблдоне не разрешил использовать один из травяных газонов собственной территории для игры в "лаун-теннис".

В 1884 году здесь состоялось первое женское первенство Уимблдона. Обязательная форма одежды спортсменки состояла из длинного до земли белого платья с высоким стоячим воротником, жёстким корсетом и несколькими нижними юбками, длинного до колен нижнего белья, черных чулок, туфель на низком каблучке и белой соломенной шляпки.

Игра в теннис как у мужчин, так и у женщин английского высшего общества со временем прочно закрепилась в программе светских развлечений на открытом воздухе, проводимых, как правило, по воскресеньям.

Королева Виктория, которая требовала, чтобы с ней консультировались по всем вопросам, затрагивающим ритуал придворной жизни и времяпрепровождение знати, как зафиксировано в анналах британской истории, назидательно поучала свою дочь принцессу Марию-Луизу: "Конечно, попробуй научиться играть в эту новую игру – теннис, моя дорогая, но помни, что по воскресеньям нельзя надевать ничего фривольного"

Времена тогда были строгие. Нравственность охранялась крепко. На территории "Всеанглийского клуба по крокету и лаун-теннису", к примеру, джентльменам строго-настрою указывалось "не играть в рубашках с коротким рукавом, если при этом присутствуют леди".

Победительница женского чемпионата 1905 года американка М.Саттон вызвала взрыв возмущения уимблдонской публики, когда она во время игры расстегнула рукава своего теннисного платья и подвернула их, "обнажив запястья".

Первая мировая война и француженка Сюзанн Ленглен произвели "революционный" переворот в женской теннисной форме. "Все игроки-женщины должны на коленях благодарить Сюзанн за то, что она освободила их от тирании корсета", – много лет спустя подтвердила девятнадцатикратная победительница Уимблдонского турнира Е.Риан, выступая по английскому телевидению.

Такая формальная чопорность и манерность, исконно присущая Уимблдону, помимо общих истоков морального климата тех времён, во многом объясняется многолетней и тесной ассоциацией этого чемпионата с английским королевским домом и его протоколом.

В порядке исторической справки официально зарегистрировано, что первой "особью" королевских кровей, которая посетила этот чемпионат в 1895 году, была австрийская принцесса Стефани.

С английской пунктуальностью об этом сообщается лаконично, но предельно точно: принцессу в этот день усадили в ложу устроителей соревнований, "специально приукрашенную по этому случаю в сжатые сроки".

Английские монархи собственной персоной пожаловали в Уимблдон позднее. Но зато принц Уэльский в бытность свою наследником престола согласился осуществлять функции президента "Всеанглийского клуба", а после 1910 года – уже как король Георг V был патроном клуба вплоть до своей смерти в 1936 году.

Георг V, кстати, официально открыл и теперешний Уимблдон в 1922 году, после того как клуб перебрался сюда с Уорпл-роуд.

Эдвард VIII в свой недолгий королевский век, длившийся меньше года, не имел возможности продолжить попечительство этого чемпионата – он был вынужден в 1936 году отказаться от английского престола по причине любви к американской "простолюдинке" Симпсон, тем не менее он вошёл в историю Уимблдона как единственный участник этого первенства такого высокого, "королевского уровня".

Ныне царствующая английская королева Елизавета II продолжила традицию своих предков: она и поныне остаётся патроном "Всеанглийского клуба", а его президентом с 1969 года является её племянник – герцог Кентский.

Обо всех этапах развития тенниса в Англии и его тесном взаимодействии с высшим аристократическим обществом этой страны можно узнать в Уимблдонском музее лаун-тенниса – единственном заведении такого рода в мире. Если такая связь не столь явно прослеживается на стендах музея, где приоритет нарочито отдаётся выдающимся спортсменам-теннисистам, об этой близости достаточно подробно рассказывается в многочисленных продающихся здесь брошюрах типа "Монархия и лаун-теннис".

"Уимблдон, как спектакль и соревнование, инкорпорирует в себе многочисленные элементы иконографии Двора, – подчёркивает английский публицист Г.Эдэйр в своей книге "Мифы и воспоминания". – Он никогда не изменял тому, что как мы знаем, подтверждает королевскую родословную тенниса".

Чтобы лучше понять упомянутую взаимозависимость, желательно сделать краткую экскурсию в другой известный лондонский музей, расположенный в центре города.

ДЖЕНТЛЬМЕН-СПОРТСМЕН

Музей восковых фигур мадам Тюссо – обязательное место туристического паломничества в Лондоне – ежегодно посещает около 2,5 миллиона туристов: намного больше, чем исторический замок Тауэр или любой другой аттракцион столицы Великобритании.

Вечно заставленный экскурсионными автобусами, продолговатый прямоугольник массивного здания, в котором разместился этот музей, нельзя не заметить на Марилебон-роуд – одной из центральных магистралей западного сектора города – у пересечения её с Бейкер-стрит, где по прихоти К.Дойла проживал когда-то легендарный Шерлок Холмс – бессменный герой 4 романов и 56 рассказов этого писателя, столетняя годовщина со дня публикации первого из них торжественно отмечалась в Англии в 1987 году.

По книжному адресу героя К.Дойла и в наши дни продолжает поступать около 5000 писем в год с просьбами к знаменитому сыщику разобраться в том или ином запутанном деле. Крупное страховое общество, размещающееся в данном помещении, содержит специального служащего, который от имени Ш.Холмса благодарит за письма и сообщает, что сыщик вышел на пенсию и в настоящее время разводит пчёл в Сассексе.

Вокруг "слепого", без окон, здания музея Тюссо, увенчанного куполом пристроенного к нему в 1957 году планетария, с утра до вечера кружится беспорядочный людской водоворот: разношёрстные группы местных и иностранных туристов, шумные ватаги лондонских и иногородних школьников и студентов, чинные семейные компании, любопытствующие индивидуумы любого пола и возраста.

Музей мадам Тюссо и сегодня с успехом продолжает завлекать посетителей своей коллекцией "как живых" восковых фигур исторических и современных знаменитостей, ассортимент которых в запасниках музея постоянно пополняется.

Развёрнутая в нём экспозиция замерших в театральных позах королей, злодеев и всевозможных "звёзд" в соответствующем облачении и гриме действительно впечатляет своей неестественной достоверностью.

Широкой популярности этого музея несомненно способствует его собственное полное драматических превратностей прошлое. Основанный дочерью немецкого солдата, перебравшейся в Англию из Франции в 1802 году, музей неоднократно кочевал из одного помещения в другое, горел, пострадал при бомбёжках Лондона во время второй мировой войны.

Однако, честно говоря, по осуществлённому замыслу, размаху и функциональным особенностям данный музей уникален прежде всего своим коммерческим успехом. Его современные владельцы, которым "по совместительству" также принадлежат популярное книжное издательство "Пингвин", ведущий орган деловых кругов Великобритании – газета "Файнэншл таймс", и сегодня делают выгодный бизнес, эксплуатируя обычное человеческое любопытство. Они продают своим посетителям, и за довольно дорогую плату, всего лишь упрощённый для массового потребления вариант "эффекта соприкосновения" с недостижимыми для них в обыденной жизни людьми, историческими событиями, прошлыми и настоящими политическими деятелями, популярными киногероями, "звездами" рок-н-ролла и т.д.

Одна из главных причин большого коммерческого успеха этого музея, помимо показа экспонатов в трёхразъёмном пространственном представлении, заключается в постоянной нацеленности его владельцев на фарватер текущей моды на "личности" прошлого и настоящего, периодически возводимые и свергаемые с пьедестала общественной популярности средствами массовой информации Запада. В соответствии с колебаниями и капризами этой моды администрация музея постоянно корректирует свою экспозицию,

Конъюнктурные соображения заставляют нынешних владельцев "мадам Тюссо" потихоньку разбавлять традиционное засилье британских экспонатов в своей коллекции. Экспозиция музея с каждым годом делается всё более "между народной", всё в большей степени отвечающей усреднённым вкусам своих зрителей, вскормленных преимущественно светско-спортивной и криминальной тематикой повседневного западного информационного облучения.

Последним нововведением музея в этом плане явилось выделение специального зала для "суперзвёзд". Экспозиция нового зала в варианте 1986 года открывалась фигурой профессионального теннисиста американца Макинроя, выполненной в натуральную величину. Изготовившийся к подаче мяча спортсмен застыл в напряжённой, характерной для него позе с ракеткой в левой руке.

Рядом в бегущих по залу лучах электронного освещения разместились в непринуждённых позах самые популярные на данный момент "звёзды" рок-н-ролла. Экспозиция завершалась фигурой сидящего в спортивной форме фирмы "Адидас" двукратного олимпийского чемпиона в десятиборье англичанина Д.Томпсона.

Логичность такой компоновки экспозиции в этом зале на тот день не вызывала здесь ни у кого ни малейшего сомнения. Ведущие спортсмены-профессионалы наиболее популярных на Западе видов спорта уже давно переведены средствами массовой информации в разряд "суперзвёзд". Об их заработках, личной жизни, привычках, склонностях западная общественность ежедневно информируется в дозах, соизмеримых, пожалуй, лишь с репортажами об убийствах, изнасилованиях и катастрофах. А Томпсон и Макинрой были в то время бесспорно спортивными "звездами" первой величины.

Зал "суперзвёзд" служит в музее своеобразным "водоразделом" его экспозиции. После него посетители вступают в искусственный полумрак "Палаты ужасов", перед входом в которую их предусмотрительно предупреждают о необходимости повышенной личной бдительности: этот зал – излюбленное место работы "карманников". Карманные воришки умело пользуются тем ошеломляющим эффектом, который оказывают на посетителя мелодраматические фигурные картинки, воспроизводящие наиболее "выдающиеся" преступления прошлого, подчёркнуто натуральные изображения сцен казни на виселице, гильотине, электрическом стуле.

Помещения же музея, предшествующие залу "суперзвёзд", посвящены, главным образом, сценам и личностям из исторического прошлого Великобритании: полный комплект всех монархов, побывавших на английском престоле, с Вильгельма Завоевателя до ныне царствующей Елизаветы II, портреты наиболее выдающихся государственных и политических деятелей этой страны, представителей культуры и науки.

В этой впечатляющей галерее персонажей, верой и правдой служивших во славу Британской империи, однако, отсутствует экспонат, который должен был бы по идее занимать одно из престижных мест в коллекции восковых памятников. В экспозиции музея не представлен характерный образ типичного феномена местного "социального производства", который хорошо известен во всём мире под названием "английский джентльмен".

Фигура эта, отштампованная столетиями продуманной политики государства, церкви, образа жизни и мышления правящих классов Англии, отполированная высокомерием традиций прошлого великолепия, исключительностью культурного наследия и материально до сих пор неплохо обеспеченная бесцеремонными "заимствованиями" сокровищ многих стран и народов, реально проглядывается в английской жизни и в наши дни.

Этот символический типаж, несмотря на свой собирательный характер, как мы знаем хотя бы по "Саге о Форсайтах" Голсуорси, весьма конкретен, вплоть до деталей внешнего вида, туалета, манеры поведения, речи и, конечно, мышления, органически не воспринимающего никакой другой формы жизненного обустройства, как только материально хорошо обеспеченной.

Помните, в какое смятение поверг Форсайтов головной убор Боссини, в котором он наносил визиты представителям этого клана английских джентльменов в связи с помолвкой с Джун.

Почтеннейшее семейство Форсайтов, как с большой художественной достоверностью повествует в своём романе Голсуорси, восприняв фетровую шляпу молодого архитектора, надетую вместо обязательного для такого случая цилиндра, по меньшей мере как прямой вызов их замкнутому миру, принятым здесь нормам морали и нравственности.

По мнению английского историка Ф.Мэсона, социальный образ английского джентльмена окончательно оформился в долгий период правления королевы Виктории в прошлом веке – славное доброе время, когда Британия, всё ещё набирая силу, уже "правила морями".

"Викторианцам требовался императорский класс мужчин, который был бы приучен отдавать приказы и следить за тем, чтобы эти приказы выполнялись... такие люди нужны были как для империи, так и для Англии,- пишет Мэсон в своей книге "Английский джентльмен".- Викторианский джентльмен-правитель должен был непременно включать такие черты характера, как спортивность и настойчивость, что вызывало бы к нему добрые чувства простых людей. Однако он должен был также иметь в характере что-то такое, что отличало бы его от толпы".

Именно в этот исторический период в Англии не только окончательно сформировалась концепция человеческого поведения, базирующаяся на убеждённости в моральном превосходстве англичан над всеми другими нациями, но, что самое главное, она конкретно материализовалась: институт частных школ в стране был трансформирован в "фабрики" по производству таких джентльменов.

Чему и как англичан учили и учат в элитарных частных учебных заведениях, разговор особый. Одно несомненно, что вкус к спорту там прививают. Исподволь приучают в них рассматривать спортивные занятия в качестве необходимой составной части учебного процесса, имеющего конечным результатом цель – выработать весь комплекс джентльменских качеств, которые требуются избранным.

В спорте новый класс собственников, порождённый английской промышленной революцией, как известно, не выступил инициатором каких-либо нововведений. Более того, в этой довольно узкой в те времена сфере общественной жизни интересы и увлечения родовой земельной аристократии нашли полное понимание и поддержку молодой английской буржуазии, которая с охотой принесла сюда свою энергию и большие финансовые возможности.

"Из-за своих различных предрассудков, ограниченного круга интересов и жадности к прибылям английская буржуазия как класс не могла пользоваться физической культурой в полном объёме в начальный период буржуазной трансформации общества, – пишет известный историк спорта Л.Кан.- Заслуга за толчок в развитии физической культуры и содействии её прогрессу относится прежде всего к

аристократии, которая в этом плане взяла на себя задачу осуществления такой функции для буржуазии. Естественно, она привнесла многочисленные традиции из своего образа жизни в спорт".

Таким образом и появился по социальному заказу специфических условий Великобритании прошлого века так называемый английский джентльмен – нечто среднее между обуржуазившимся аристократом и викторианским промышленником, – в свободное время ищущий узаконенных обществом и полезных для здоровья развлечений: будь то возможность непосредственно принять участие в спортивных состязаниях, или присутствовать на них в качестве зрителя – участника светского мероприятия или же просто делать денежные ставки на победителя соревнований.

Безусловно, не спорт явился главным побудительным мотивом, сформировавшим культ английского джентльмена, однако со временем он стал служить одной из эффективных форм подтверждения джентльменского статуса.

Институт английского джентльменства всегда начинается с внешнего вида его представителя, его одежды и её обязательного соответствия специфическим фазам светского уклада жизни английской верхушки, ритуальный распорядок которой, без существенных изменений, перекочевал из прошлого в наши дни и продолжает в основном соблюдаться правящими классами современной Англии.

Цель, которая преследуется таким "внешним оформлением", можно сформулировать довольно легко: одеваться так, чтобы твой туалет строго соответствовал общепринятой и традиционной форме платья для данного конкретного светского мероприятия, будь то скачки в Эскоте, верховая охота на лис, королевский приём в Букингемском дворце, гребная регата в Хенли, традиционные соревнования по крикету на стадионе "Лордс" в Лондоне, теннисный чемпионат в Уимблдоне, опера в Гляйнборо и т. д., при этом ни в коем случае не стараться в своём туалете поспеть за последним капризом моды.

Соблюдать этот принцип на практике значительно сложнее, чем это кажется на первый взгляд, главным образом потому, что, несмотря на относительную традиционность таких туалетов, обходятся они намного дороже обычного платья.

Поэтому в представлении одних англичан фигура английского джентльмена в экспозиции музея Тюссо должна быть непременно облачена в костюм, сшитый у "Хантесмана", в одной из самых престижных мастерских на Севиль-роуд – улице портных лондонского "высшего общества", сорочку, сделанную по заказу фирмой "Тернболл энд Эссер" на Джереми-стрит, и, разумеется, на нём должен быть в обязательном порядке галстук одного из элитарных учебных заведений этой страны.

Английский джентльмен у мадам Тюссо, как я себе представляю, – рассуждает на эту же тему современный английский публицист Т. Хилл, – должен стоять на искусственном травяном газончике в охотничьем костюме, об отдельных предметах которого можно спорить, однако на голове у него будет надета шляпа от "Локка", на ногах ботинки от "Лобба", а в руках он должен держать охотничье ружье фирмы "Перде".

Эволюция мужской одежды в Англии, как справедливо считают, неизбежно проходит замкнутый круг: новая модель мужского платья (речь, разумеется, идёт об одежде джентльмена) обычно возникала в прошлом как очередная разновидность спортивной одежды, затем со временем она обязательно становилась модным вечерним туалетом и если проходила весь круг, то завершала его как общепринятая форма прислуги. Так произошло с фраком, смокингом, отчасти с цилиндром.

Вышеупомянутые компании названы далеко не случайно. Они символизируют самые престижные "институты" по внешнему традиционному оформлению джентльменства, созданные его прародительницей – британской аристократией.

Эти фирмы по изготовлению одежды для высшего общества существуют и сегодня, обслуживая, среди прочих привилегированных покупателей, потомков тех своих клиентов, которые делали у них свои первые заказы 100-150 лет тому назад.

В самом центре Лондона в бывшей наиболее аристократической его части приблизительно на полпути между Трафальгарской площадью и Гайд-парком с угрюмым достоинством стоит приземистый и мрачноватый на вид дворец Сент-Джеймса – старинная резиденция английских королей.

С конца XVII до середины XIX века местные монархи держали здесь свой "двор". По инерции даже в наши дни послы иностранных государств после вручения королеве верительных грамот получают свою официальную аккредитацию в Великобритании "при Сент-Джеймском дворе", хотя само королевское семейство перебралось отсюда на постоянное проживание в расположенный неподалёку Букингемский дворец.

Одной из своих закопчённых временем и непогодой сторон бывшая королевская резиденция выходит на оживлённую улицу с односторонним автомобильным движением – Сент-Джеймс-стрит. Эта небольшая, всего метров в 300, улица без единой светофорной задержки пропускает сквозь себя быстро проносящиеся автомашины, доносит их до перекрёстка и лихо сбрасывает в сплошной автомобильный поток, который вязкой массой, наподобие плотной стаи нерестящегося лосося, медленно пробивается вдоль узкой Пикадилли.

Сент-Джеймс-стрит известна не только как важная транспортная развязка центрального Лондона. Она гораздо больше знаменита тем, что именно здесь находится эпицентр современной клубной жизни Лондона. На ней и в её окрестностях расположены самые старинные лондонские институты джентльменства – такие клубы, как "Уайт" (1693 г.), "Брукс" (1764 г.). А если внимательно присмотреться к одинаковым на первый взгляд зданиям конца прошлого – начала нынешнего века, окаймляющим по обе стороны её проезжую часть, нельзя не заметить преднамеренное сохранение рядом магазинов и мастерских, занимающих первые этажи этих зданий, своего наружного оформления в том виде, который, очевидно, был им присущ в прошлом.

В доме номер 3 по этой улице первый этаж довольно современного здания умело задрапирован в деревянную облицовку старинной фирмы торговцев вином с выписанной древним шрифтом вывеской: "Берри Брос энд Радд Уайн мерченцс". Фирма таким внешним видом как бы утверждает, что и сегодня сохраняет верность тем традициям и принципам своей коммерческой деятельности, какие сделали её популярной среди жителей Лондона ещё лет 200 тому назад.

Чуть дальше, на доме номер 6, – другая древняя вывеска над входом в мастерскую, тоже занимающую первый этаж, – "Локк энд К°". В небольших витринах по обе стороны от входа в мастерскую выставлены различные головные уборы, главным образом мужские шляпы. А когда-то это знаменитое ателье специализировалось на изготовлении обязательного головного убора джентльмена – цилиндра. Клиентом этого заведения был сам лорд Нельсон – герой Трафальгарской битвы. В наши дни в этом ателье заказывают себе головные уборы, в том числе и цилиндры, герцог Эдинбургский – муж королевы и многие другие не менее достойные современные английские джентльмены.

В последние годы, правда, спрос на цилиндры заметно упал: все-таки это не самый удобный головной убор для беспокойных будней нашей современной суетливой жизни, да и носить их стали всё больше привратники богатых отелей и магазинов, которые, естественно, довольствуются более дешёвыми моделями цилиндров массового тайваньского производства.

По соседству с мастерами-шляпниками функционирует не менее знаменитая компания по производству модельной обуви "Лобб". Почётные "знаки отличия" над входом в неё гласят, что данное ателье обслуживает всю королевскую семью, являясь официальным "поставщиком её величества" по части обуви. Надо полагать, королевская семья вполне довольна услугами этой старинной фирмы. Действительно, продукция фирмы пользуется заслуженной репутацией за своё высокое качество, да и клиентов своих здесь ценят. Мерка заказчика сохраняется, чтобы ему, не дай бог, не пришлось потратить ещё хоть несколько минут на снятие новой при вторичном заказе. Такая забота о клиентах фирмы понятна и объяснима, если знать, во что обходятся услуги этой компании. Не так уж много находится

желающих платить за пару, пускай первоклассной, обуви – по 1000 фунтов стерлингов. Ну а кому такие цены по карману – платят за качество, а ещё больше за престижность фирменной продукции. Ничего не поделаешь. В Англии традиционно по одежке-то с обувкой не только встречают, но, самое главное, именно внешний вид может служить тем негласным паролем, по которому допускают в замкнутый круг высшего эшелона здешнего общества.

Ну а если есть желание или необходимость развеять все сомнения в отношении положения, которое занимаешь в местной социальной иерархии, это можно сравнительно легко сделать на охоте. Занятие охотой – само по себе дело джентльменов. Экипировка для неё вычурна и дорогостояща. А обладание ружьём известной английской фирмы, скажем "Перде", сразу переводит счастливого охотника в узкий круг избранных, которых во всем мире всего лишь несколько тысяч.

Частная оружейная компания "Джеймс Перде и сыновья" находится в тихом переулке за шумной магистралью Парк-лейн – этого многорядного автомобильного "водораздела" между просторным массивом зелёного Гайд-парка и грядой импозантных зданий фешенебельного лондонского района Мейфэйр. Продукция этой компании – охотничьи ружья – всемирно известна. Чтобы заказать здесь себе ружье, как шутят местные юмористы, нужно обладать двумя качествами: деньгами и терпением.

В среднем стоимость одного ружья этой компании составляет сумму порядка 20 тысяч фунтов стерлингов, а срок выполнения заказа от 2 до 4 лет. Зато можно быть уверенным, что точно пригнанное к индивидуальному плечу, конфигурации тела, весу заказчика, долгожданное ружье будет обладать точным боем, служить безотказно и долговечно и, самое главное, оно даёт владельцу бесспорное право быть причисленным к той избранной когорте индивидуумов, число которых возрастает в среднем лишь на 100-150 человек в год – таково количество ружей, которые компания может сделать за это время.

"К концу XIX века Британская империя достигла своего зенита, -- пишет Н.Кортни – современный автор серии биографических публикаций о членах английской королевской семьи. – Великобритания прибрала к своим рукам четверть территории земного шара; она олицетворяет собой всё, что можно было квалифицировать как "великое и могущественное", "великолепное" и "превосходное". Дома её подданные пребывали в полной уверенности, что их жизнь с точки зрения общественного устройства и морального основания является правильной, если только отклонения от норм общепринятого поведения не случались "на глазах у прислуги и не пугали лошадей".

С тех пор сама империя давно ушла в прошлое, страна превращается во второразрядную державу, местная промышленность больше не производит самые лучшие в мире товары, а британские спортсмены редко становятся чемпионами. Однако что сохранилось, так это стабильность, крепкая структура общественного устройства и для горстки привилегированных "наверху" "традиционный и забавный образ жизни".

Оставляя на совести автора утверждение о стабильности и прочности структуры общественного устройства этой страны, с ним нельзя не согласиться в отношении того, что "сильные мира" Англии продолжают придерживаться "забавного" распорядка жизни, во многом соблюдая тот самый ритуал, увековеченный десятилетиями беззаботного аристократического существования, базирующегося на вековых традициях и соответствующей материальной базе.

При королеве Виктории в конце прошлого века сложилась и формализовалась последовательность светско-спортивных мероприятий, составивших негласный, но общепринятый календарь местного светского летнего "Сезона". "Я думаю,- писал в то время из Лондона известный американский автор Брет Гарт, – что в мире нет другой страны, где бы один класс жил так исключительно для себя".

Как говорят "злые" журналистские языки, сама концепция "Сезона" зародилась из жизненного распорядка принца Уэльского – старшего сына королевы Виктории. Принц был занят на протокольных мероприятиях всего лишь 27 дней в году. Остальное время отводилось для развлечения и отдыха, чем он активно и занимался. Зимой принц охотился и практиковался в стрелковом спорте. Можно не сомневаться, из каких ружей он стрелял. К весне перебирался в своё имение в Нью-маркете и жил "сельскими интересами". После

лошадиных бегов в Эскоте в июне принц обязательно посещал очередные финалы крикетных матчей на стадионе "Лордс" в Лондоне и королевскую гребную регату в Хенли.

Он не был любителем тенниса и на период Уимблдонского чемпионата уезжал с друзьями заниматься парусным спортом.

С середины августа, когда "Сезон" в Лондоне заканчивался, принц перебирался в Европу для продолжения своего отдыха.

Путь летнего светского календаря в Англии до сих пор в основном и пролегает по этому маршруту, апробированному и выверенному аристократическими предшественниками современных джентльменов. Правящие круги Великобритании сегодня в силу особенностей исторического развития этой страны – понятие отнюдь не однозначное. Тут родовые кланы старой земельной аристократии и тесно связанная с ними чиновничья элита, представители финансовой олигархии и большого бизнеса. Включает это понятие профессиональных политиков и военных, газетных магнатов и юристов, деятелей науки и искусства.

Не будет преувеличением сказать, что, несмотря на такую многослойность высшего эшелона местного светского общества, оно продолжает в своей массе явно или подсознательно, а иногда и с напускной скромностью, веровать в собственную исключительность, с гордостью акцентируя этот факт своей традиционной импозантной внешней однородностью поведения, мышления, одежды, однородностью, приобретаемой в сложном, негласно узаконенном процессе калибровки личности, через который проходят все члены высшего общества и сегодня.

В этом процессе их продолжают крепко связывать невидимые нити не только братьев по классу, но и органическая спайка этой социальной группы в целом – результат специфических условий "обжига" – социально-элитарной системы воспитания, образования и дальнейшего пунктуального следования тому жизненному распорядку, который испокон веков заведён только для избранных членов местного общества и должен ими беспрекословно соблюдаться.

"Уверенность – вот что отличает членов высшего эшелона, – пишет Н.Кортни. – Частично это закладывается в школах, частных или привилегированных университетах, однако, пожалуй, больше всего в яслях (опять же частных), где они выучивают "правила", по которым им следует жить, неписанные законы, которые тем не менее так чётко сформулированы, как будто они запечатлены в "Билле о правах"... эти люди могут не отличать хорошего от плохого, но зато знают, как себя вести... они снисходительно относятся к остальному человечеству в высокомерной уверенности в том, что обладают такими качествами, которыми владеть нижестоящим просто не дано".

Фундамент такой "уверенности", разумеется, зиждется на соответствующих материальных возможностях английской иерархической верхушки. Не случайно земельная аристократия, королевская семья и её окружение и сегодня принадлежат к самой зажиточной прослойке английского общества. Царствующая ныне королева Елизавета II, к примеру, считается самой богатой женщиной мира, общее состояние её семьи оценивается в баснословную сумму – 4 миллиарда фунтов стерлингов.

Полупрезрительное отношение к любому виду трудовой деятельности, праздное времяпрепровождение как нормальный, общепринятый образ жизни земельной аристократии сыграли не последнюю роль в развитии спорта, в том числе и тенниса, в Англии.

Со временем новые факторы, постепенно добавляясь, трансформировали спортивную активность нации, несколько расширили её географию и людскую базу, особенно после того, как спорт был взят на вооружение как средство воспитания подрастающей правящей элиты.

После второй мировой войны определённый рост материального благосостояния среднего англичанина, вернее сказать, его покупательной способности, щедро взбадриваемой обильными инъекциями коварного потребительского кредита, расчехлили элитарную исключительность традиционных спортивных мероприятий английского "Сезона", сделали его доступным для более широких слоёв населения. Даже на Центральном корте Уимблдона в эти годы были выделены специальные "стоячие места", предназначавшиеся главным образом для "простых смертных".

Процессу демократизации спорта безусловно содействовала и резко возросшая в последние годы его коммерциализация, превратившая данный вид человеческой деятельности в популярную разновидность индустрии массового развлечения.

Однако все эти обстоятельства никоим образом не поколебали решимость высшего английского общества отстаивать традиционные привилегии своего "забавного" образа жизни. Оно по-прежнему продолжает считать "Сезон" серией социальных мероприятий для собственного удовольствия, отличных друг от друга лишь уровнем развлекательно-спортивной начинки.

Лондонская "Таймс" и сегодня продолжает утверждать, что "на Уимблдоне спортивная сторона исторически всегда была несколько более важной, чем на Эскоте или Хенли", где, как известно, участие джентльменов всегда традиционно ограничивалось лишь употреблением шампанского да игрой в тотализатор.

С таким мнением в отношении Уимблдона не соглашались те, кто досконально знаком с английским теннисом вообще и Уимблдонским чемпионатом в частности. Уимблдонский чемпион 1975 года в мужском одиночном разряде Артур Эш, надо полагать, со знанием дела заключает, что (в Англии), "где погода – отвратительная и есть только около сотни закрытых кортов во всей стране, где классовые различия делают теннис недоступным для большинства ребят, теннис вообще не признавался бы – не будь Уимблдона в программе светского календаря...".

ЗА ОГРАДОЙ УИМБЛДОНА

Каждый год, начиная с конца июня, на протяжении двух недель на одной из тихих и зелёных улиц зажиточного предместья Южного Лондона, поднимающейся на холм к церкви и поэтому, очевидно, названной "Церковная дорога", можно по вечерам наблюдать такую, весьма необычную для этих мест картину.

Десятки, если не сотни юношей, девушек, лиц среднего и даже пожилого возраста располагаются здесь на ночь прямо на тротуаре, кто в специально принесённых спальнях мешках, кто накрывается старой солдатской курткой или пледом, а кто просто устраивается на газете в том, в чём пришёл. Ночи-то в это время в Лондоне прохладными обычно не бывают, а от возможного дождя каждый заранее готовит себе собственную защиту: зонтик, пару пустых картонных коробов, плащ-накидку или просто газету.

Таким образом укладывается на ночь живая очередь английских болельщиков-энтузиастов с тем, чтобы к утру, вернее, к 12 часам, когда откроются билетные кассы, оказаться в числе немногих счастливых, кому могут достаться те несколько сотен билетов на открытое первенство Англии по теннису в Уимблдоне, которые, демонстрируя показную общедоступность этих соревнований, ежедневно поступают в свободную продажу в ходе чемпионата.

С 1968 года, когда Международная теннисная ассоциация разрешила профессионалам теннисистам принимать участие в национальных турнирах, Уимблдонский чемпионат стал одним из самых престижных соревнований профессионального тенниса, который продолжает здесь по традиции проходить на кортах с травяным покрытием.

В настоящее время, наряду с открытыми первенствами Франции, США и Австралии, он является наиболее желанной и искомой составной частью неофициальной короны профессионального тенниса, так называемого "Большого шлема", завоевать который, то есть выиграть все четыре чемпионата в течение игрового сезона – заветная мечта сильнейших теннисистов мира.

Виртуозный теннис в исполнении сильнейших профессиональных спортсменов служит главной приманкой Уимблдона – этой двухнедельной теннисной Мекки.

Свыше 30 тысяч зрителей приходят сюда ежедневно в этот период только для того, чтобы стать свидетелями замечательного теннисного спектакля, перипетий бескомпромиссной борьбы, где победа или поражение профессионального спортсмена в ряде случаев стоят миллионы долларов.

Собственно сам Уимблдон – это ровная и узкая полоса земли площадью в 12 акров, своей конфигурацией смахивающая на гигантский пароход, обнесённая высоким бетонным забором с венцом из колючей проволоки. Вся территория теннисного парка, за исключением пешеходных проходов для зрителей, выстлана зелёным ковром специального травяного газона, разбитого на прямоугольники теннисных площадок, одетых в одинаковую тёмно-зелёную форму своих защитных ограждений.

Почти в центре этого специализированного парка, доминирующе возвышаясь над "равниной кортов, стоит, как старинная крепость, массивная коробка 15-тысячного стадиона, широко известного под названием Центрального корта, отгороженная от внешнего мира глухой, увитой плющом стеной высотой в добрый 6-этажный дом. Такое название досталось данному теннисному корту по наследству. До 1922 года теннисный городок находился в другом месте, неподалёку, где главная теннисная площадка действительно была в самом его центре.

С двух сторон к массиву Центрального корта примыкают такие же по высоте сооружения более поздней постройки: административное здание – с одной и трибуны Первого корта – с другой.

Перед комплексом из этих трёх плотно слипшихся друг с другом сооружений тесно, в три ряда, соблюдая равнение "в затылок", раскатаны зелёные прямоугольники 12 травяных кортов с узкими проходами между ними, а на противоположной от Центрального корта стороне – ещё ряд из 4 таких же площадок.

Вот на этих 18 кортах в течение двух недель и проходят теннисные сражения Уимблдонского турнира, которые при нормальной погоде обычно начинаются ежедневно ровно в 14 часов.

Продуманно и эффективно используется в Уимблдоне каждый метр весьма ограниченной территории этого парка. Поэтому здесь даже в период массового наплыва зрителей можно передохнуть от тенниса и без особого труда перекусить, выпить, в зависимости от кошелька, воды, пива или шампанского, купить традиционное уимблдонское угощение – клубнику со сливками, приобрести сувениры с символикой Уимблдона, программу соревнований.

Подсчитано, что за две недели чемпионата 400 000 зрителей покупают здесь 33 000 булочек, 189700 бутербродов, 20000 сосисок, 126000 порций мороженого, 23 тонны клубники и выпивают 300 000 чашек чая и кофе, 75 200 пинт пива, 11 900 бутылок шампанского.

На довольно большом, единственном в этом парке зелёном газоне, в центре которого находится табло с результатами текущих соревнований, а вокруг – места общественного питания, разрешается сидеть, лежать, закусывать. Полицейских не видно, так же как и пьяных, хулиганов и прочих нарушителей общественного порядка.

Для определённой прослойки англичан, так называемого высшего общества, Уимблдонский турнир представляет собой нечто большее, чем просто спортивные состязания. Для них он прощает оставаться светским событием, посещение которого обязательно, если ты хочешь доказать или подтвердить свою принадлежность к узкому кругу привилегированной Англии. Люди этого круга обычно, как говорят англичане, "трутся плечами" на традиционных мероприятиях английского летнего светского календаря. Они сидят рядом на Центральном корте Уимблдона, обмениваются новостями на скачках в Дерби, торжественно, в вечерних туалетах слушают оперу в Гляйнборо, демонстрируют новые модели шляпок на королевских скачках в Эскоте, пьют шампанское, наблюдая за ходом лодочных гонок во время королевской регаты в Хенли, встречаются на июльских приёмах в Букингемском дворце по случаю очередного дня рождения королевы сидят на трибунах стадиона "Лордс" в Лондоне на финальных соревнованиях по крикету – самому популярному виду спорта в Англии.

Появляются в эти дни на Уимблдоне и представители такой относительно редкой разновидности человеческой общности, которых в светской хронике обычно называют "прекрасными людьми". Представители этой группы людей, оказавшись в силу стечения обстоятельств при деньгах пребывают в вечном поиске развлечений, кочуют из страны в страну, с курорта на курорт, проматывают

доставшиеся им в наследство или по счастливой случайности состояния в тщетной надежде купить себе счастье за деньги. Бронзовые от барбадосского загара, эти, как правило, молодые или молодящиеся мужчины и женщины, которых роднит внешняя экстравагантная самоуверенность и потухшие глаза, приезжают в Англию в июне к началу местного светского сезона и отбывают отсюда в конце июля.

Сталкиваются эти приезжие дамы и господа с местными английскими "коллегами" не только в Уимблдоне, но и в "Хэрродсе" – наиболее престижном лондонском универсальном магазине, который рекламирует себя как место, где можно приобрести решительно всё. Рассказывают, что один шутник позвонил как-то в этот магазин и сказал, что хотел бы купить слона. "А какого – индийского или африканского?" – услышал он якобы в ответ. Однако шутки в сторону: именно здесь Р.Рейган приобрёл слонёнка в качестве главного символа республиканской партии для одной из своих избирательных кампаний...

Внешнее описание Уимблдона будет не полным, если не упомянуть два палаточных городка, прижавшихся к заборам этого парка, в стороне от кортов и основных потоков посетителей. В общей сложности здесь воздвигаются 44 полотняных павильона специально на время чемпионата. За очень высокую плату устроители Уимблдона сдают их в аренду крупнейшим английским компаниям и банкам, которые по своему усмотрению и средствам превращают эти временки на весь период чемпионата в свои частные бары и рестораны.

Немалые представительские затраты, связанные с таким "корпоративным развлечением", сторицею окупаются для лидеров британского бизнеса. На приманку Уимблдона им без труда удаётся заманивать к себе в павильоны нужных деловых людей, потенциальных клиентов, правительственных чиновников, угощая их не только теннисом проходящего турнира, но и вкусной едой с горячительными напитками. В лёгких полотняных павильонах Уимблдона в период чемпионата завязываются важные деловые связи, заключаются сделки, собирается нужная информация – одним словом, решается судьба многих деловых начинаний и предприятий.

По словам директора одного из крупнейших английских банков "Мидленд" А.Мақдональда, этот банк специально фрахтует чартерные самолёты для доставки своих клиентов из ФРГ и Франции на игры чемпионата в Уимблдоне. Гостей здесь прежде всего угощают хорошим обедом, или, по-местному, "ланчем", и в 14.00 усаживают на хорошие места одной из трибун Центрального корта. В течение дня их время от времени вновь приглашают в павильон банка подкрепиться имеющимся там разнообразным ассортиментом напитков и закусок, а вечером по окончании последних игр доставляют опять же чартерным рейсом домой.

Такой подход, как говорят бизнесмены, "генерирует у клиента добрую волю". А на это затрат жалеть, по их мнению, не следует.

Однако эти задвинутые в отдалённые концы парка лёгкие временки разборных павильонов сами по себе говорят о том, что бизнес здесь хотя и дорогой, но формально всего лишь гость.

Подлинные хозяева Уимблдона приспособили для своих нужд просторное одноэтажное строение почти напротив Центрального корта, слева от главного входа в парк. На этом здании висит анонимная вывеска "Загон для членов". В этом "загоне" в период чемпионатов отдыхают, обедают, пьют чай и просто общаются друг с другом члены "Всеанглийского клуба по теннису на траве и крокету". Того самого, который в прошлом веке разрешил использовать один из своих газонов для игры в лаун-теннис.

Мало кто в наши дни способен себе представить, что организация открытого первенства Англии по теннису может осуществляться элитарным частным клубом – типично английским заведением, созданным джентльменами для приятного времяпрепровождения только своих членов, да ещё и на собственной территории клуба. Однако именно так дело и обстоит. Своеобразным ритуалом собственника, утверждающего своё право, выглядит установленное клубом правило начинать и заканчивать чемпионаты Уимблдона игрой женских и мужских пар – обязательно членов "Всеанглийского клуба" на Центральном корте.

По существу же всеми практическими делами связанными с проведением открытого первенства Англии по теннису в Уимблдоне, занимается специально назначаемый для этой цели комитет, состоящий из 18 членов, из которых 12 являются представителями "Всеанглийского клуба", а 6 – национальной ассоциации по теннису. Такая расстановка сил красноречиво говорит сама за себя.

Членам этого элитарного клуба, патроном которого является сама английская королева, президентом её племянник – герцог Кентский, принадлежат все спортивные сооружения в Уимблдоне, которыми они за номинальную плату имеют право пользоваться круглый год.

Чтобы попасть в этот клуб, насчитывающий менее 400 членов, желающие, как утверждают, стоят в очереди с 1920 года. Формально для того, чтобы вступить в этот клуб, необходимо получить четыре рекомендации от его постоянных членов, причём две с обязательным условием личного знакомства. Такая строгая процедура автоматически делает этот клуб местом, куда могут проникнуть только "свои". Стать членом данного клуба трудно даже чемпионам Уимблдона, хотя по положению победители в различных разрядах этих теннисных соревнований автоматически получают статус почётных членов клуба.

А.Бакстон – чемпионка Англии 1956 года в женском парном разряде, спустя 30 лет призналась, что до сих пор не получила подтверждения от "Всеанглийского клуба" о своём приёме туда. "Я единственно могу предположить,- публично призналась она в июле 1987 года, – что эта задержка происходит только из-за того, что я – еврейка". Администрация клуба в ответ на это со снисходительным высокомерием посоветовала бывшей чемпионке "набраться терпения".

Наряду с престижными соображениями, членство в клубе даёт определённые материальные выгоды.

Каждый член его, помимо всего прочего, имеет право получить 2 бесплатных билета на Центральный корт на все матчи чемпионата, а также возможность покупать дополнительно билеты с большой скидкой. А ведь билетам туда цены нет как в прямом, так и в переносном смысле.

Однако если для членов этого клуба попасть на любую игру открытого первенства Англии по теннису не представляет никакой проблемы – они здесь у себя дома, то простым любителям тенниса сделать это значительно сложнее. Как говорилось выше, для этого нужно занять живую очередь с вечера и перебиться ночь у ворот Уимблдона. Утром некоторое количество билетов на матчи только текущего дня быстро распродается среди многочисленных желающих. Если уж очень повезёт, то кое-кому из самых первых в очереди может достаться фунтов за 10 даже стоячее место на Центральном корте.

Счастливые обладатели входных билетов – о посетителях Центрального корта речь особая – приходят сюда задолго до начала матчей для того, чтобы просто погулять здесь, окунуться в атмосферу Уимблдона.

К началу состязаний потоки зрителей, с разных сторон вливающиеся в этот теннисный парк, особенно густеют. Людская масса плотно заполняет основную магистраль Уимблдона – заасфальтированный проход, опоясывающий парк посередине перед Центральным кортом. Движущаяся по нему толпа, взбодрённая праздничным настроением теннисного "гулянья", бурлит, переливается яркими красками одежды, мелькающим калейдоскопом лиц, причёсок. Возрастные контрасты гуляющих оттеняются непринуждённой раскованностью молодёжи. Приближаясь к массиву Центрального корта, пёстрая и разношёрстная толпа как бы разбивается о него и растекается ручейками по лабиринту узких проходов между теннисными площадками.

Больше всего зрителей задолго до начала соревнований собирается вокруг тех кортов, где по расписанию должны выступать сильнейшие профессиональные теннисисты мира.

Регулярное телевизионное освещение, пристальное внимание мировой прессы уже давно превратили этих спортсменов в популярных идолов обывательского преклонения. Их успехи на теннисных ристалищах, доходы, превратности личной жизни постоянно в центре внимания западных средств массовой информации. Смакование этих подробностей – неизбежный спутник успеха на Западе, который в свою очередь находится здесь в прямой пропорциональной зависимости от способности индивидуума "делать деньги". Завороженное преклонение местного обывателя перед своими теннисными "героями" во многом объясняется именно теми миллионными

доходами, которые горстка ведущих "звёзд" профессионального тенниса извлекает из этого спорта, и в гораздо большей степени сопутствующей этому рекламе.

Однако Уимблдон, бесспорно, влечёт к себе не только желанием воочию увидеть популярных персонажей спортивно-скандальной хроники.

Для настоящих любителей тенниса уникальность Уимблдона заключается в его удивительном сближении переживаний зрителя и игрока. Здесь, на внешних кортах этого парка (кроме Центрального и Первого корта), зрители имеют шанс не только прочувствовать все нюансы теннисной дуэли в виртуозном исполнении сильнейших профессионалов мира, но при желании, подобно статистам в спектакле, почти непосредственно соучаствовать в развитии теннисной "драмы". Для этого нужно прийти к облюбованному корту пораньше, расположиться вплотную за его низкой оградой и ждать начала матча.

В 14 часов на каждой из 18 теннисных площадок этого парка появляются судьи: по 13 – на Центральном и Первом кортах, по 7 – на остальных, команды из 6 одинаково одетых и хорошо вымуштрованных школьников для подачи мячей игрокам, и, конечно, участники предстоящего поединка.

5-минутная разминка – и начинается игра, темп которой, как метроном, задаётся сочными ударами напряжённых ракеток по тугому ворсистому теннисному мячу.

Тот, кто стоит у корта, находится непосредственно рядом с игроком, временами всего лишь в 2-3 метрах от него. Здесь особенно ощущается бешеная скорость мечущегося по площадке мяча, слышится прерывистое дыхание теннисистов, видны крупным планом гримасы спортсмена, сражающихся на пределе своих физических и технических возможностей. Напряжённый накал атлетического поединка захватывает зрителей. Уставляет их с обострённой личной вовлечённостью переживать за своих любимцев.

Такое интенсивное восприятие тенниса, да ещё стоя на солнце, довольно быстро утомляет, порождая хорошо знакомое чувство – боязнь пропустить что-то более интересное на другой площадке, в другом исполнении в теннисном репертуаре текущего дня Уимблдона. Зрители начинают потихоньку мигрировать, переходя от одного корта к другому, в поисках наиболее захватывающих теннисных зрелищ. Постепенно накапливается усталость. Пора передохнуть. Лучше всего это сделать без отрыва от тенниса на нумерованных удобных пластиковых сиденьях небольших трибун, возведённых у двух или трёх внешних кортов, конечно, когда там не выступает какая-нибудь теннисная знаменитость и есть свободные места.

Стоящие у подножия такой трибуны служители в форменных пиджаках с эмблемой Уимблдона приглашают зрителей подниматься к местам в порядке живой очереди только во время игровых пауз, которые по правилам периодически возникают в теннисных сражениях.

Вновь прибывшие на трибуну зрители быстро рассредоточиваются, заполняя вакантные ячейки тёплых от солнца пластиковых сидений, ровные ряды которых ступенями спускаются вниз к теннисной площадке. На ней идёт очередная игра чемпионата, действующие лица которой мало известны широкой публике. Этим, кстати, и объясняется относительно лёгкая доступность "посадочных мест" на этом миниатюрном стадионе.

Окружающие зрители следят за происходящей внизу на площадке игрой уже без первоначальной истовости. Многие используют эту передышку, чтобы подкрепиться принесённой с собой нехитрой домашней едой. Некоторые, временами отрываясь от тенниса, просматривают сегодняшние газеты, листают книги, загорают, вяжут. Кое-кто дремлет.

Однако чем бы ни занимались сидящие здесь люди, жизнь трибуны – этой случайной и скоротечной человеческой общности – беспрекословно подчиняется, как хороший оркестр дирижёрской палочке, ритму спортивной борьбы в ходе данного поединка. Трибуна мгновенно погружается в тишину концертного зала, как только мяч в очередной раз вступает в игру. Немедленно прекращаются

разговоры, покашливания, движения, шуршание бумажных обёрток и газетных страниц. Остроумное разрешение игровой ситуации, ловкий манёвр любого из соперников, как правило, награждаются дружными аплодисментами присутствующих.

Наступает очередной обязательный перерыв для отдыха спортсменов и смены площадок – включается гудение разговора, шорох движений.

Кое-кто покидает трибуну "поглощать" новые порции тенниса в другом месте, на освободившиеся места рассаживаются новые зрители. Вновь следует команда судьи, и все опять замирают.

Так и проходит для большинства гостей Уимблдона весь день – с полудня до поздних летних сумерек.

Громадная популярность в Англии этих спортивных соревнований во многом объясняется тем, что для простых англичан они представляют собой удивительное сочетание зрелища захватывающей спортивной борьбы с удовольствием загородной поездки на пикник и массового гулянья, освящённого традиционным "фирменным" угощением Уимблдона – клубникой со сливками, правда, за неё здесь и дерут втридорога.

По мере развития чемпионата очереди за билетами в кассы стадиона становятся короче, постепенно сужается и круг участников соревнований: ведь проигравший выбывает.

Вместе с тем, с каждым днём возрастает накал спортивных страстей, увеличиваются денежные призы победителей, эпицентр спортивной борьбы полностью перемещается на Центральный корт – главный теннисный стадион Уимблдона.

И так в основном продолжается вот уже более 100 лет, если речь идёт о мужских чемпионатах. Правда, как мы уже говорили, имелся 10-летний перерыв по "уважительным причинам" – двум мировым войнам. Причём если во время первой теннисная жизнь в Англии, за исключением интервала в проведении турниров, шла почти что своим обычным чередом, то в годы второй мировой войны непосредственно Уимблдону пришлось пережить целый ряд весьма серьёзных испытаний: на Центральный корт, например, упала 200-килограммовая авиабомба, которая снесла часть навеса и уничтожила 1200 мест на трибунах стадиона. Свободная территория вокруг парка, обычно используемая в мирное время для парковок автомобилей, была отдана под срочно созданные для нужд военного времени фермы по разведению свиней.

Тем не менее никакие исторические невзгоды не лишили соревнований в Уимблдоне почёта старейшего теннисного чемпионата мира, который, правда, до сих пор проводится на частной территории и по правилам сложившегося жизненного распорядка элитарного английского клуба.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОРТ

В погожий летний день этот комплекс – массивный и неприступный на вид снаружи – торжественно великолепен внутри.

Поток солнечного света, почти отвесно проходя сквозь громадную "воронку" овального козырька-навеса над верхними рядами трибун, заполняет просторную чашу этого сооружения.

Как гигантский прожектор, солнечные лучи высвечивают графлённую теннисную площадку на дне этого стадиона с ясно видимыми вытоптаннами ногами спортсменов светло-коричневыми "залысынами" в коротком ворсе её травяного покрытия.

Поднимающиеся ряды трибун на полдороге вверх скрадываются в густом и интимном полумраке тени от навеса.

В разных точках стадиона разместились четыре телекамеры (в дни финальных матчей к ним добавляются ещё две), два электронных табло для демонстрации счёта, одно из которых обязательно видно с любого места, застеклённые кабины теле- и радиокомментаторов – вот, пожалуй, и вся спортивная оснастка Центрального корта. Следует, правда, добавить, что внутри стадиона безраздельно господствует зелёный цвет. Всё что здесь можно покрасить, выкрашено зелёной краской: и невысокий оградительный

барьер, окаймляющий спортивную площадку, и проходы между рядами трибун, и возвышающееся над сеткой специальное место для главного судьи, и холодильник для теннисных мячей. Пластиковые кресла для зрителей на трибунах тоже зелёного цвета, как и синтетические подушечки для сидения, которые можно взять за дополнительную плату. На игру спортсменам выдают здесь только зелёные полотенца. На зелёном фоне, как считают специалисты, лучше всего заметен теннисный мяч. Поэтому зелёный цвет продолжает традиционно оставаться доминирующим цветом Уимблдона.

Только на Уимблдоне в соревнованиях принимают участие не мужчины и женщины, а леди и джентльмены. Обычно принято делить теннисные соревнования на "разряды": соревнования в "мужском разряде", в "женском", в "парном". Но на Уимблдоне соревнуются не мужчины, а "джентльмены", не женщины, а "леди".

Продолжают оставаться неизменными в своей традиционной кастовой заторможенности и сами завсегдатаи Центрального корта. Правда, в отличие от прошлых лет публика здесь теперь не являет собой сплошной монолит привилегированной верхушки английского общества. Сегодня она как бы представляет его социальный срез: в последние годы на Центральном корте появились и стоячие места, есть места для сидения под открытым небом, а есть – и под навесом. И, наконец, центральное место на этом теннисном стадионе занимает королевская ложа, где, как говорит само название, собираются те, кто традиционно пользуется здесь церемониальными привилегиями власти прошлой, и те, в чьих руках находится фактически власть настоящая.

По этим секторам, как на срезе горной породы, проглядываются "горизонты залегания" всех слоёв местного общества. А "демократические" вкрапления в публику Центрального корта – вроде 2000 стоячих мест – лишь нагляднее подчёркивают принципиальную полярность этих соседствующих слоёв.

Под уютным кольцевым навесом, прикрывающим и от дождя, и от солнца большую часть трибун Центрального корта, в удобных креслах, ниспадающих рядами к зелёной теннисной площадке, во время главных матчей турнира удобно располагаются хорошо одетые и уверенно ведущие себя женщины и мужчины.

Женщины разных возрастов с одинаковым показным равнодушием демонстрируют средиземноморский загар и туалеты из последних коллекций известных модельеров; поджарые мужчины – послеобеденную приподнятость настроения и хорошо сшитые костюмы. Мелькают темно-голубые блейзеры, украшенные фирменными галстуками "Всеанглийского клуба". Обязательный галстук у мужчин, как визитная карточка, представляет своего владельца, выдавая необходимую информацию о школе или колледже, которые он окончил, или клубе, к которому он принадлежит.

Играют улыбки, плещутся в солнечном свете фамильные драгоценности, слышится говор лучших частных школ и колледжей Англии. По трибунам плывут запахи французских духов, кубинских сигар, дорогих коньяков. Ведь сюда приходят, как правило, после ланча в закрытых для простой публики ресторанах Уимблдона, именно поэтому все игры здесь и начинаются не ранее 2 часов пополудни.

Если даже соседи по трибуне не знают лично друг друга, всем ясно, что право находиться на Центральном корте, как и много лет тому назад, принадлежит избранной прослойке английского общества, часть которой сегодня здесь и находится: члены королевской семьи, остатки родовой знати, "капитаны" английского бизнеса, финансовые магнаты, члены палаты общин и палаты лордов, наиболее удачливые представители "творческих" профессий. Одним словом, здесь все свои.

Алкогольная приподнятость настроения ещё больше сближает и раскрепощает присутствующих. Можно даже снять пиджак. Теперь это позволительно. Шок 1976 года, когда президент "Всеанглийского клуба" герцог Кентский на глазах всего стадиона снял с себя пиджак в королевской ложе, прошёл. Интересно, а кто будет сегодня присутствовать в этой ложе?

На финале чемпионата 1985 года здесь побывала премьер-министр М.Тэтчер с дочерью – журналисткой, только что выпустившей книгу о "звёздной" паре профессионального теннисе англичанине Джоне Ллойде и его тогдашней жене – американке Крис Эверт; в 1986

году – президент ФРГ, а в 1987 году снова М.Тэтчер, принцесса Даяна – жена наследника престола. Неизменно на правах хозяев в ложе располагаются на центральных местах руководители "Всеанглийского клуба".

Присутствие на трибуне уже само по себе приобщает к узкому кругу "сильных мира сего". Теннисные баталии профессионалов служат лишь апробированным поводом для "кастового" общения. Многие приходят сюда действительно не столько ради тенниса, сколько для того, чтобы публично подтвердить свой привилегированный статус, почерпнуть последние светские сплетни, перекинуться парой фраз с нужным человеком. Потом можно будет небрежно обмолвиться в своём клубе за рюмкой порта о том, что встретил недавно на Уимблдоне такого-то, который, как говорят, значительно улучшил свою игру в гольф в последнее время. Всем будет ясно, что ты по-прежнему вхож в "свет".

Отсюда и сам теннис, как таковой, воспринимается регулярными посетителями этого корта как нечто вторичное, как своеобразный фон, способствующий общению. К тому же теннис рассматривается ими сквозь призму выпестованного поколениями предшественников неписаного кодекса правил, так называемого "джентльменского поведения" спортсмена, соблюдения им условий "справедливой игры".

Спортсмен-теннисист обычно оценивается завсегдатаями Центрального корта не по тому, как он выиграл или проиграл матч, а насколько он в своей манере игры на корте, в выступлении на пресс-конференции после игры, умением одеваться приблизился к тому расплывчатому, типично английскому идеалу поведения и внешнего вида, именуемому "джентльмен-спортсмен".

В Англии в наши дни весьма популярна серия спортивных телепередач, идущая под названием "100 Великих Спортивных Моментов". Каждая 15-минутная часть этой серии, которая демонстрирует что-нибудь раз в месяц, рассказывает о конкретном эпизоде из спортивной жизни известного чемпиона, возведённом официальным мнением Лондона в разряд спортивных подвигов.

Один из эпизодов этой серии, который время от времени повторяется на английских телеэкранах, посвящён последним минутам четвертьфинального матча Уимблдонского чемпионата 1973 года между 17-летним шведом Б.Боргом и англичанином Р. Тейлором.

После 2,5 часа игры матч завершился драматической концовкой: при равном счёте сетов 2:2, в последнем, решающем, Борг, проигрывая 1:5, выравнивает матч – 5:5, затем при счёте 6:5 в пользу Тейлора молодой Борг не берёт подачу английского теннисиста, и главный судья объявляет Тейлора победителем.

Однако Тейлор оспаривает решение судьи. Он утверждает, что его подача не попала в нужный квадрат площадки, и просит разрешить её переиграть.

Уступая напору такого джентльменского поведения, судья отменяет своё решение, и игра возобновляется. Минут через пять Тейлор, правда после некоторых тревожений, выигрывает матч. Все зрители Центрального корта стоя приветствуют благородного победителя.

Вот вам пример истинно джентльменского поведения спортсмена в духе традиций "Всеанглийского клуба".

Поэтому тот спортсмен, который, по мнению постоянных посетителей Центрального корта, больше всего, если уж не по престижности учебного заведения, которое он окончил, то хотя бы по своему поведению на корте и вне его подпадает под теперь уже, правда, несколько деформировавшееся понятие "джентльмена", и является фаворитом местной публики.

Австралиец Рандольф Лисетт так хотел произвести благоприятное впечатление на публику Центрального корта, что, играя здесь в чемпионате 1920 года, поставил на корт нанятого официанта в ливрее, который каждый раз в моменты периодической смены площадок подавал ему бокал шампанского. Результат этого матча оказался вполне закономерным. На потеху аудитории Центрального корта Лисетта в конце матча унесли на руках, разумеется, не как победителя.

Троекратный победитель Уимблдона английский теннисист Ф.Перри, тот самый, в честь которого при жизни в 1984 году был воздвигнут памятник у Центрального корта, вспоминая в своей автобиографии, что до конца 40-х годов на Уимблдоне вообще не устраивалась церемония награждения победителя турнира.

Участники финального матча просто пожимали друг другу руки и расходились. Выиграв финал у австралийца Кроуфорда в 1934 году, Перри, который считался тогда в местных кругах чужаком и "не джентльменом", услышал в раздевалке, как председатель "Всеанглийского клуба" говорил австралийцу: "Поздравляю! Сегодня был один из тех дней, когда победа досталась не лучшему на площадке!" Когда Перри вышел из душа, галстук этого клуба, традиционно вручаемый победителю турнира, был просто брошен на его вещи. Комментарии, как говорится, излишни.

Спорт, как таковой, и сегодня сразу отступает на задний план, как только заходит речь о том, что публика Центрального корта считает для себя более важным.

В четвертьфинальной встрече Уимблдонского чемпионата 1986 года между французом Г.Леконтом и австралийцем П.Кэшем, проходившей на Центральном корте, бесспорным фаворитом местной публики был вначале австралийский спортсмен. Ещё бы, всего неделю назад ему вырезали аппендицит, а он мужественно продолжает сражаться в турнире, не показывая, каких усилий это ему стоит.

Тем не менее в конце спортивного поединка симпатии публики решительно переметнулись на сторону Леконта. Заслужил он это своим, с английской точки зрения, безупречным джентльменским поведением.

В ходе матча случайно залетевшая на стадион бабочка села на травяной газон "французской" половины теннисной площадки. Леконт немедленно приостановил игру, подошёл к сидящей на траве бабочке и довольно долго "уговаривал" её пересесть к нему на ракетку. Когда это произошло, он перенёс бабочку на своей ракетке в безопасное место на краю корта, и только после этого возобновили игру.

Центральный корт был сражён французской галантностью.

Всякое отступление от неписаных правил спортивного "джентльменства" рассматривается здесь как чрезвычайное происшествие.

Как уже повелось в последние годы, "злостным" нарушителем норм "джентльменского поведения" чаще других становится неугомонный американский теннисист Макинрой.

За несколько дней до начала официальных соревнований в Уимблдоне в 1985 году, например, Макинрой проводил тренировку на травяном корте другого элитарного частного лондонского заведения – "Королевского клуба", почётным членом которого он уже состоял к этому времени несколько лет после того, как выиграл здесь теннисный турнир.

В разгар тренировки к трёхкратному победителю Уимблдона подошли две леди и сказали, что корт, который он занимает, зарезервирован ими, а посему они просят его побыстрее освободить спортивную площадку. Неизвестно, по каким причинам произошла данная "накладка", тем не менее две леди настояли на том, чтобы спортсмен прекратил тренировку и освободил корт для законных членов клуба.

Макинрой в нескольких не совсем приличных словах выразил своё отношение к английским частным клубам и порядкам, господствующим в них. Леди обиделись и подали жалобу на американца, обвинив его в поведении, "не подобающем джентльмену".

В результате руководство этого клуба предъявило Макинрою ультиматум: или подавай в отставку из почётных членов клуба добром, или мы тебя выгоним. Макинрой попросту отмахнулся от этого ультиматума. Он уже не раз заявлял публично, что современный профессиональный теннис не имеет ничего общего с тем теннисом, в который играли английские леди и джентльмены. Теннисные состязания профессионалов сегодня уже давно превратились в отчаянную схватку спортсменов за деньги, в которой правила поведения против игроков, их мотивировка диктуются размером денежного приза, а не расплывчатыми понятиями "справедливой игры" английской аристократии.

Несмотря на всё это, очередной "неджентельменский" поступок Макинроя обсуждался лондонской прессой по крайней мере так, как освещаются важные политические события первостепенной значимости.

А клубная лондонская жизнь продолжала и дальше непоколебимо идти своим путём, подчиняясь лишь собственным законам и правилам.

Через два года в аналогичной ситуации оказался Б.Беккер. Накануне начала соревнований двукратный чемпион Уимблдона был вынужден метаться по Лондону в поисках корта для тренировки. Частные клубы, имеющие корты с травяным покрытием, отказывались принять его из-за того, что он не является их членом. В то время Беккер, тщательно охраняя свой активно проецируемый на широкую публику образ молодого, благородного спортсмена-джентльмена, публично воздержался от высказываний по данному поводу, за него это сделала местная пресса.

"Нужно ли удивляться тому,- писала в этой связи "Дейли телеграф" 22 июля 1987 года, – что английский теннис не в состоянии вырастить собственного чемпиона, когда превалирует такое отношение".

Вопрос явно носил риторический характер.

Королевская ложа

Самое видное место на Центральном корте отдано королевской ложе. Она доминирует над внутренним овалом этого стадиона.

Это не просто удобно расположенная, человек на 100 наклонная ложа, зашторенная сверху дополнительным навесом от солнца и непогоды и предоставляющая своим посетителям лучшую смотровую площадку на гигантской теннисной арене. Так же, как "королевские загоны" на Эсге или в Дерби, это место одновременно символизирует собой вершину социально-иерархической пирамиды, исторически сложившейся в Англии правящими классами. Вскрабкаться на её по местным понятиям и престижно, и почётно, и выгодно.

На авансцене королевской ложи перед 15-тысячной аудиторией этого стадиона идёт в течение Уимблдонского чемпионата развлекательный спектакль по мотивам светско-аристократической жизни. В этом представлении принимают активное участие и ведущие политические и государственные деятели Великобритании, в том числе очередные премьер-министры, различные заезжие знаменитости, родственники и "коллеги" королевской семьи из других стран.

К королевской ложе примыкает целый лабиринт представительских и служебных помещений. Здесь и просторный обеденный зал, и гостиная-холл, и веранда, плотно укутанная ниспадающим по внешней стене Центрального корта вьющимся плющом. С этой веранды видно, что происходит на двенадцати наружных кортах, а также хорошо проглядывается весь основной магистральный "проспект" Уимблдона, постоянно запруженный людской массой, медленно текущей вдоль Центрального корта.

Говоря о королевской ложе, нельзя не упомянуть о тех первоклассных туалетах, которыми она, по всеобщему признанию, располагает. Как свидетельствуют местные журналисты, даже выдержанная принцесса Даяна – жена наследника престола принца Чарльза – якобы во всеуслышание заявила, что такого туалета, как здесь, у неё нет даже дома, то бишь в Кенсингтонском дворце.

Действительно, организаторы Уимблдонского турнира проявляют повышенное внимание к удобству гостей королевской ложи именно в этой части. Причина тому кроется в историческом курьёзе: в 1930 году король Георг V случайно так захлопнул дверцу кабины туалета, что сам был не в состоянии открыть её изнутри. Раздосадованного короля в конечном итоге "спас" служитель, случайно услышавший призывы о помощи, исходившие от его королевского величества. С тех пор эти места общественного пользования взяты под особый контроль.

Попадают в эту ложу для избранных, естественно, если не по праву рождения – принадлежности к королевской семье, то за большие заслуги перед правящими кругами данного общества.

...Ежегодно в июне в Англии официально отмечается день рождения ныне царствующей королевы Елизаветы II, несмотря на то что в действительности он приходится на апрель.

Такой традиционный перенос срока этих торжеств, безусловно, делает "Сезон" ещё более насыщенным и интригующим, поскольку, как уже повелось, по случаю дня рождения монарха обязательно издаётся королевский указ о присвоении правительственным чиновникам, членам парламента, военным, общественным и профсоюзным деятелям, учёным, деятелям искусств королевских наград, главным образом в форме производства того или иного индивидуума в рыцари с вручением соответствующего ордена (всего имеется свыше 15 классов средневековых титулов, в которые монарх когда-то возводил своих наиболее верных подданных, торжественно прикасаясь мечом к плечу награждаемого).

Сегодня процедура присвоения рыцарских званий значительно упростилась: правительственные департаменты готовят соответствующие представления, которые утверждаются кабинетом министров, одобряются премьер-министром, а затем отсылаются на подпись к королеве.

В наши дни, правда, можно приобрести аристократический титул английского дворянина просто за деньги. Английские законы разрешают торговлю такого рода. А у многих обедневших местных аристократов есть в наличии такой "товар" и желание продать его лишь бы цена была подходящая. Но не о них сейчас идёт речь.

Самых выдающихся деятелей из числа вновь награждённых последним королевским указом можно увидеть на многих протокольных мероприятиях текущего "Сезона" и в том числе в королевской ложе Центрального корта во время Уимблдонского чемпионата.

Всех приглашённых сюда рассаживают на каждый матч чемпионата в строгом протокольном порядке, как на государственном банкете, в соответствии с общественно-иерархической значимостью того или иного лица. Причём в местной "табели о рангах" – сознательно, в расчёте на широкую публику, – допускается сравнительно большой припуск в оценке важности каждого присутствующего в ложе и предоставленного ему места. Такой подход придаёт определённую видимость независимости королевской власти при комплектовании очередного состава данной ложи, а кроме того, определённую пикантность. Создаётся иллюзия, что здесь, на вершине пирамиды власти, действуют особые правила, которые не подвластны времени и материальному могуществу действительно "сильных мира сего".

Так, например многолетний секретарь "Всеанглийского клуба" майор Д. Миллс, отвечавший на протяжении многих лет за рассадку в королевской ложе – а с персональной рассадкой все присутствующие знакомятся ещё до входа в неё на специально нарисованной схеме, – с гордостью вспоминает, как однажды приглашённый сюда министр внутренних дел очередного правительства выразил ему на следующий день своё недовольство тем, что был посажен во второй ряд ложи позади двух лордов, занимавших в то время служебные должности гораздо более низкие, чем его должность.

По словам Миллса, он с чопорной иронией ответил министру, что лорды в королевской ложе Центрального корта Уимблдона ценятся значительно выше, чем "простолюдины".

Обращение к традициям, обычаям и титулам средневековья при решении многих практических вопросов современной жизни Англии нередко относят за счёт желаний соблюдать ритуал проведения определённых мероприятий, сложившийся в далёком прошлом. Но это не совсем так. Прежде всего потому, что многие традиции и церемонии, особенно связанные с участием в них представителей королевской семьи, возникли здесь сравнительно недавно и к тому же появились по прямому заказу правящих кругов этой страны.

"В те времена, когда не было средств массовой информации, практически не было того великолепия королевских церемоний, которые теперь считаются "традиционными": грандиозных королевских свадеб, коронаций и похорон, – пишет современный английский историк Джон Пирсон в своей новой книге "Как продаётся монархия широкой публике". – Королева Виктория провела почти 20 лет в угрюмом полуудинении после того, как в 1861 году умер её муж Альберт.

Однако премьер-министр Дизраэли нуждался в ней для украшения своих имперских замыслов. Именно он объявил её императрицей Индии и уговорил выступить "звездой" в грандиозном праздновании её "золотого юбилея" в 1877 году. Быстро набиравшие в то время силу иллюстрированные газеты скоро помогли премьеру превратить королеву Викторию в материнскую фигуру для глобальной империи".

"Ключевым решением" для нынешнего царствующего в Англии "дома Виндзоров" называет Пирсон санкцию премьер-министра У. Черчилля на проведение прямой телетрансляции церемонии коронации Елизаветы II в 1952 году.

С тех пор сага об английской королевской семье превратилась, по выражению американского журнала "Тайм", в настоящую многосерийную телевизионную "мыльную оперу" со многими действующими лицами, и всякие неурядицы, которые когда-то считались скандальными, стали частью обычного повествования.

В период Уимблдонского турнира королевская ложа и служит теми "театральными подмостками", на которых разыгрываются очередные эпизоды такого бесконечного занимательного сериала из жизни королевской семьи и её окружения.

8 июля 1985 года после феноменальной победы Б.Беккера из ФРГ в финале одиночного мужского разряда над 26-летним американцем южноафриканского происхождения К.Карреном основное внимание английских средств массовой информации было уделено не комментариям и разбору этого матча 17-летнего юноши с опытным профессионалом, разгромившим в четвертьфинальном поединке самого Макинроя и в полуфинале – бывшего в то время третьей ракеткой профессионального тенниса Коннора, а подробному смакованию деталей, связанных с появлением в королевской ложе Центрального корта принца Майкла – кузена королевы со своей женой, у которой якобы, по слухам пронырливых газетных репортёров, случился роман с одним миллионером из США.

15000 присутствующих в этот день на Центральном корте зрителей, как писала местная пресса, стоя, аплодисментами приветствовали принца с принцессой, взхлёб расписывая "мужество" принцессы, которая не побоялась после всех кривотолков открыто появиться на людях со своим мужем, да ещё в королевской ложе. Просто героическая акция с её стороны, особенно после того, как совсем недавно на принцессу обрушилось ещё одно несчастье: вскрылось, что её папа – судетский немец – в своё время был членом нацистской партии Германии.

И всё же, несмотря на такие два "удара", принцесса сидела в ложе во время финального матча и – более того – нежно смотрела на мужа. Первые страницы всех лондонских газет были полностью отданы фотографиям этой пары с разных ракурсов в течение всего матча. Вот это выдержка! Просто королевская!

На следующий год Сара Фергюсон как невеста принца Андрою – среднего сына английской королевы – была основным объектом внимания местных средств массовой информации. Их театрализованная свадьба, состоявшаяся 23 июля 1986 года и транслировавшаяся по всем каналам западного телевидения, пышно завершила английский "Сезон" того года.

Поэтому, естественно, когда она посетила королевскую ложу Центрального корта перед своей свадьбой, ни о каком теннисе, разумеется, не могло идти и речи.

"Сара Фергюсон была здесь (в королевской ложе) во вторник,- писала английская газета "Гардиан" 28 июня 1986 года. – Ей, кажется, здесь понравилось. Мартина (Навратилова) играла на Центральном корте, однако около 50 фотокорреспондентов в течение всего матча держали свои объективы нацеленными на Сару".

На следующий год героиней королевской ложи в день финальных соревнований бесспорно была премьер-министр Великобритании М.Тэтчер, которая только что перед этим в третий раз вместе со своей консервативной партией одержала победу на всеобщих выборах.

Но как ни цепляется светская Великобритания за удобные и приятные воспоминания, привычки и антураж прошлого, пытается законсервировать на зелёном газоне Уимблдона замкнутый мирок полумаскарадного существования в сумраке собственных представлений и ценностей, ветер перемен всё сильнее врывается и в этот заповедный "загон" старой Англии.

Чаще всего новшества здесь проявляются под явным или скрытым влиянием, а то и просто под прямым давлением бизнеса, который всё резче начинает покрикивать на своего аристократического, но обедневшего родственника, пытающегося по инерции жить категориями прошлого века.

Главная же перемена на Уимблдоне – сам теннис. Из состязаний любителей он превратился в соревнование профессионалов. Это изменение – принципиальное, привнёсшее новое, как в саму игру, так и в атмосферу Уимблдонского чемпионата.

БОЛЬШОЙ ТЕННИС – БОЛЬШОЙ БИЗНЕС

Во время каждого Уимблдонского теннисного чемпионата на самом видном месте напротив главного входа на Первый корт устанавливается электронное табло, на котором демонстрируются не только результаты недавно состоявшихся матчей этого турнира, но и фиксируется положение сильнейших теннисных профессионалов по их суммарным выступлениям в соревнованиях текущего года, их личная классификация на последнюю дату по аккумулярованным итогам участия спортсменов в турнирах профессионального тенниса за истекший период года.

По результатам выступлений 1986 года первым в этом списке на табло Уимблдона был И.Лендл с общей суммой 2484 очка, набранных им в 15 теннисных соревнованиях профессионального "круга", состоявшего в том году из 71 турнира, которые проводились в течение года в 23 странах мира.

На втором месте с 1063 очками, также набранными в 15 теннисных турнирах, был Макинрой, на третьем – Виландер, на четвёртом – Коннорс, на пятом – Эдберг, на шестом – Беккер и т.д. На табло фамилии спортсменов демонстрируются без указания того, какую страну они представляют. Профессиональный теннис игнорирует эту связь при помощи перевода соревнований в абстрактную, чисто коммерчески-космополитическую плоскость. Вопрос национальной принадлежности уступает здесь место соображениям налогового, валютного, одним словом, делового характера. Именно поэтому чех И.Лендл живёт под Нью-Йорком, француз Я.Ноа – в Нью-Йорке, М.Виландер из Швеции и Б.Беккер из ФРГ- в Монако.

Женский профессиональный теннис в 1986 году возглавляла Навратилова, набравшая 3252 очка в 17 турнирах. На втором месте была Крис Эверт Ллойд с 3150 очками. Всего же "круг" женского профессионального тенниса включал в том году 55 турниров в 11 странах мира.

Вершина профессионального тенниса прочно занята вышеназванными спортсменами, в узкий круг которых – в число первой "десятки" – в последние годы удалось неожиданно "прорваться" лишь молодым, талантливым теннисистам из ФРГ Б.Беккеру и Ш.Граф. Характерно, что в сезон 1987 года Граф проиграла Навратиловой в финалах Уимблдонского турнира и открытого первенства США, однако по общей сумме очков, набранных во всех турнирах, выигранных ей за этот период, вышла на первое место в мировой классификации женского профессионального тенниса, нарушив почти 15-летнюю монополию К. Эверт и М. Навратиловой.

Для всех профессиональных теннисистов передвижение по такой "очковой" классификационной шкале самым непосредственным образом влияет на их материальное положение, на их заработки, и, как это ни парадоксально, количество набранных очков имеет во многих случаях гораздо большее значение для денежного вознаграждения профессионала, чем победа в том или ином теннисном турнире.

В своей книге "Короткое замыкание" американский публицист М.Мьюшоу на основе бесед и собственных наблюдений за профессиональными теннисистами, кочуя с ними в течение года с одного турнира на другой, рассказывает, как в ответ на общепринятое обращение коллеги:

"Как дела?" – теннисист, не задумываясь, отвечает: "Все ещё на 80-м месте" (спортсмен имеет здесь в виду свою позицию, которую занимает в классификационном списке профессиональных теннисистов). В кругах профессионального тенниса хорошо известно высказывание И. Цириака – коммерческого директора Б. Беккера: "Теннисист ниже 76-го места не имеет коммерческой ценности".

В далёкие годы любительского тенниса некоторые западные журналисты пытались прибегать к самодеятельной и весьма условной очковой оценке выступлений того или иного теннисиста с тем, чтобы иметь представление о силе спортсмена на определённом продолжительном отрезке времени. С приходом в этот спорт профессионализма был переведён на профессиональную ногу и учёт результативности занятой здесь "рабочей силы", а также и её стоимости.

В 1973 году в штаб-квартире Ассоциации теннисных профессионалов в Нью-Йорке был установлен специальный компьютер, куда регулярно вводится информация о результатах участия приблизительно 1000 лучших спортсменов во всех соревнованиях профессионального теннисного "круга". Позднее такая же система учёта выступлений теннисистов была задействована и в Международной теннисной ассоциации.

На основании регулярно вводимой информации о результатах выступлений теннисистов в соревнованиях профессионального "круга" компьютер каждые две недели выдаёт классификационный список спортсменов, фиксирующий набранные ими очки и их соответствующее место в нём.

Такое новшество сделало своё дело: обеспечило перевод всех перипетий спортивной борьбы и столкновений спортивных талантов различных индивидуумов в удобную систему условных показателей, выраженных в привычной для бизнеса цифровой форме, и расставило спортсменов по стоимостной шкале, как товар на прилавке с ярлыками цен.

"Брак" по расчёту

Бизнес давно, ещё в невинные годы любительского тенниса, подбирался к нему с намерениями использовать этот вид спорта в своих корыстных целях.

Трёхкратный победитель Уимблдонского турнира англичанин Ф.Перри рассказывает в своей автобиографии, что ещё в 30-е годы английская компания "Дакс" предлагала платить ему по шиллингу с каждой пары проданных ею мужских фланелевых брюк, если он согласится время от времени появляться в них в общественных местах.

Любительский статус Перри – он тогда ещё не перешёл в профессионалы – вынудил его отказаться от такого заманчивого по тем временам предложения.

После второй мировой войны, в период, когда началась подлинная капиталистическая вакханалия массового производства товаров ширпотреба, бизнес, преследуя свои цели, перешёл к более агрессивному "ухаживанию" за спортом вообще и теннисом в частности.

Технологические новшества, появившиеся на капиталистических предприятиях, позволили наладить массовое производство некоторых товаров широкого потребления при сравнительно низкой их себестоимости. Чтобы сохранить высокую норму прибыли, капиталисту стало жизненно важным организовать и сбыт своей продукции населению в массовом масштабе, заставить потребителя покупать тот или иной товар вне зависимости, нужен ли он действительно ему или нет.

Делалось это различными способами. Тщательно изучался рынок, тенденции в потребительском спросе и, самое главное, отрабатывались приёмы искусственного стимулирования такого спроса у населения при помощи массирующей и всюду проникающей рекламы, этого "кну́та", которым, по бытующему на Западе выражению, загоняют публику в "нужное стойло".

Одним из самых популярных, активно употребляемых и поныне приёмов навязывания бизнесом своей массовой продукции покупателю стала реклама товаров через псевдоблаготворительные системы так называемого "спонсорства" и "индорсмента".

В первом случае капиталист финансирует какое-либо мероприятие, в том числе и спортивное, которое за это проходит под фирменным знаком спонсора, облагораживая тем самым его корпоративный "имэдж" у населения, а заодно и рекламируя продукцию, которую он заинтересован реализовать как можно в больших объёмах.

В последние годы каждый ноябрь Лондон становится свидетелем очередного международного турнира профессионального тенниса с участием сильнейших спортсменов мира. Спонсором этого турнира выступает крупная английская табачная монополия "Бенсон энд Хеджес".

Этот турнир обязательно транслируется по телевидению, и миллионы англичан, несмотря на существующее здесь "добровольное" обязательство табачных компаний не рекламировать по телевидению свою продукцию, вынуждены в течение многих часов лицезреть на экранах своих телевизоров вездесущее фирменное наименование "Бенсон энд Хеджес", так, кстати сказать, называется самая популярная разновидность сигарет этой компании.

Второй приём – "индорсмент" – непосредственно связан с использованием авторитета хорошо известной личности в сочетании с конкретным фирменным товаром. Если Перри в своё время предлагали по шиллингу с пары проданных фирмой брюк, то, по информации "Файнэншл таймс" от 3 июля 1986 года, одному из лидеров профессионального тенниса американцу Макинрою компания "Данлоп" выплачивает ежегодно около 5 миллионов долларов за то, что он выступает на соревнованиях в спортивной форме этой фирмы и играет её фирменной теннисной ракеткой. Несмотря на баснословное денежное вознаграждение спортсмена, которое он получает по условиям контракта "индорсмент" от этой компании, "Данлоп" тоже, разумеется, внакладе не остаётся.

Продажа новой модели теннисной ракетки этой фирмы "Макс 200 джи" резко подскочила с 30 тысяч до 180 тысяч штук после того, как с ней стал постоянно выступать Макинрой. А ведь средняя розничная цена этой ракетки составляет сумму порядка 100 долларов.

Престиж этой ракетки ещё более возрос, когда на неё летом 1987 года перешла М.Навратилова, хотя здесь не обошлось без курьёза. В то время по имеющемуся контракту Навратилова должна была играть ракеткой японской фирмы "Ионникс". Чтобы как-то скрыть нарушение своих обязательств, она маскировала ракетку "Данлоп" в фирменную расцветку "Ионникс". Однако вездесущие спортивные журналисты немедленно подметили этот коммерческий "манёвр" чемпионки.

Пятикратный победитель Уимблдона швед Б.Борг всегда, куда бы он ни летел, получал бесплатно два авиабилета первого класса от национальной шведской авиакомпании за то, что носил на рукаве своей тенниски во время матчей узкий ярлычок длиной в 5 сантиметров с инициалами этой компании. Свой "имэдж" Борг продаёт и в наши дни. Правда, теперь он по заказу ряда фирм специализируется на рекламе мужской косметики.

Когда победителя Уимблдонского турнира 17-летнего Б.Беккера в 1985 году сразу после финала спросили, почему во время спортивных выступлений он не снимает с руки часы в металлическом браслете, Борис иронически хмыкнул и объяснил, что именно за это он, практически неизвестный в те годы теннисист, получал от швейцарской часовой фирмы "Эбел" 25 тысяч долларов. На второй вопрос – какие контракты подобного рода он ещё имеет – Беккер не ответил, дипломатично отослав настойчивого репортёра к своему менеджеру.

Два года спустя коммерческий директор 26-летнего австралийского теннисиста П.Дуэна сразу же после его сенсационной победы над тогдашним фаворитом Уимблдонского турнира Б.Беккером с удовлетворением отметил, что теперь у него есть все основания настаивать на более выгодных для Дуэна условиях контракта с фирмой "Адидас".

Ведущим теннисистам время от времени поступают и более "рискованные" предложения. Штеффи Граф, например, во время Уимблдонского турнира 1987 года предложили 250 тысяч фунтов стерлингов за серию обнажённых фотографий для американского журнала "Пентхауз". Молодая теннисистка с возмущением отвергла такую возможность подзаработать.

Меняются, как видим, времена, нравы, вознаграждения, но основные движущие силы, функционирующие за кулисами и около профессионального спорта, продолжают пребывать в своей откровенной алчной неизменности. Более того. Неестественный альянс бизнеса с профессиональным спортом со временем стал на Западе обыденной реальностью, окрепшей во многом благодаря той роли, которую сыграло в его формировании телевидение.

Теннис в телевизионном приближении

Статистически средний англичанин проводит у экрана телевизора 25 часов в неделю и поглощает за это время, помимо всего прочего, 300 рекламных объявлений целевого назначения, или "коммершиалз", как их называют. Речь идёт о специализированных рекламных роликах от 30 и более секунд телевизионного времени, имеющих собственное сюжетное построение, развивающееся, как правило, на фоне эффектного музыкального сопровождения и рекламного дикторского текста. Каждый "коммершиалз" несёт в себе завуалированный или нарочито откровенный призыв покупать что-то, что якобы сделает жизнь потребителя более содержательной, интересной, развлекательной или полезной для здоровья.

Статистически средний англичанин облучается, таким образом, телевизионной рекламой общей сложностью в течение 2 часов в неделю. Это немало. Хотя со статистически средним американцем ему не сравниться. На того рекламы вываливается значительно больше. Если весь рынок рекламы, то есть затраты на все виды рекламной деятельности стран Запада, оценивается в 160 миллиардов долларов в год, то добрая половина этой суммы в виде различных рекламных объявлений и призывов обрушивается на американца ежедневно, ежечасно в его повседневной жизни.

Чтобы представить поконкретнее размер такой рекламной "лавины" непроизводительных по своей сути расходов, можно напомнить, что они превышают весь валовой национальный продукт такой богатой нефтью страны, как Саудовская Аравия.

Львиная доля этих расходов во всех странах приходится на оплату рекламы по каналам телевизионного вещания. Это и понятно. Ведь только телевидение предоставляет рекламодателю действительно массовую аудиторию для рекламного воздействия. Конечно, в том конкретном случае, когда по телевидению передаётся такая программа, которая привлекает массового зрителя. А спортивным передачам в последние годы удаётся делать это без видимого усилия. И посему в "спонсорстве" спортивных передач желающих из числа большого бизнеса хоть отбавляй.

Ведущие корпорации промышленно развитых капиталистических стран борются друг с другом за право финансировать наиболее популярные спортивные состязания: тем самым и своё корпоративное "обличье" приукрасить, да и все рекламные преимущества своего конкретного товара ещё раз довести до сведения массовой аудитории. Хоть это и накладно, да только в конечном итоге оборачивается закономерным ростом прибылей. А значит, такая игра стоит свеч.

Именно поэтому в последние годы английские корпорации резко увеличили свои расходы по финансированию проходящих в стране различных спортивных мероприятий – с 50 миллионов в 1981 году до 218 миллионов фунтов стерлингов в 1985 году.

Соответственно, если в 1971 году английский телеэкран посвятил 1200 часов спортивным передачам, то в 1984 году спортивные трансляции составляли уже 2558 часов.

Возвращаясь к теннису, можно конкретно напомнить, что если в 1937 году английская радио- и телекорпорация Би-би-си впервые смогла наладить телетрансляцию мужского финального теннисного поединка Уимблдонского чемпионата в 200 домах только в пределах Лондона, то в последние годы финал Уимблдона смотрит во многих странах мира аудитория порядка 700 миллионов человек.

"Две недели Уимблдона просто трудно представить себе без неизменного присутствия Би-би-си", – писала "Файнэншл тайме" 9 августа 1986 года. Более 100 сотрудников этой телекорпорации ведут трансляцию матчей Уимблдонского чемпионата, которые занимают

общей сложностью около 120 часов чистого телевизионного времени. Би-би-си размещает 21 стационарную телекамеру на 18 кортах этого стадиона, причём по 4 на Центральном и Первом кортах. Во время финальных матчей число камер на Центральном корте доводится до 7.

Поэтому всё, во что ведущие теннисные асы одеты, обуты, какими ракетками играют, какие ярлыки у них пришиты на теннисной форме, даже какую воду они пьют во время состязаний, какие часы носят, каким шампунем моют после игры голову – всё это откровенно демонстрируется спортсменом во время матча или после него, как это обусловлено в соответствующем контракте между спортсменом и фирмой – производителем данного товара. В таком контракте обязательно оговариваются конкретные условия рекламы спортсменом товара, время действия этого соглашения, а также размер денежного вознаграждения, выплачиваемого фирмой теннисисту.

Целый ряд причин, бесспорно, придали профессиональному теннису и его "звездам" их нынешний статус. Прежде всего то, что теннис является идеальным видом спорта для телетрансляции. Он – соревнователен, эстетичен, международен, немедленно захватывает зрителя и ориентирован на молодёжную аудиторию.

"Его ассоциативность со светским образом жизни, – иронизирует лондонская "Дейли телеграф", – идеально подходит ко времени, когда боготворят физическую культуру и заботу о здоровье, модельную одежду и круглогодичный загар, в котором лучше всего выглядит собственная анатомия".

"Привлекательность тенниса, – возвращаясь на грешную землю, откровенно и по-деловому констатирует американский еженедельник "Ньюсуик" (1 июня 1987 года), – заключается в его способности апеллировать к денежной аудитории". И поясняет далее свою мысль: "Вместо обычных автомобилей и пива гораздо выгоднее продавать автомашины класса "люкс", модельную одежду и теннисное снаряжение, что приносит астрономические прибыли. Постепенная реализация этого не только драматически видоизменила деятельность компании по рекламе своих товаров через этот спорт, но, естественно, и сам теннис".

Вот почему крупнейшие телевизионные компании западных стран готовы платить бешеные деньги за право осуществлять телетрансляцию таких всемирно известных чемпионатов, как Уимблдонский теннисный турнир, поскольку они уверены, что фирмы-рекламодатели заплатят им ещё больше, чтобы пробиться сюда со своей рекламой.

Однако сам характер спортивного телерепортажа от этого, естественно, меняется.

"Все чаще телевидение освещает спортивные мероприятия не как нейтральный наблюдатель, а как инвестор, зачастую крупнейший", – справедливо констатировала упоминавшаяся лондонская консервативная "Файнэншл таймс".

Телевизионный диктат особенно ощущается в передачах спортивных, в том числе и теннисных соревнований, из США.

На открытом первенстве США по теннису не только само расписание игр составляется исходя из интересов и программных требований телевизионных компаний, но даже в ходе матчей именно телережиссер, ведущий трансляцию, подаёт судье знак, когда возобновлять игру после очередной смены спортсменами площадок.

Уж на что выдержанны и дисциплинированы шведские теннисисты М.Виландер и С.Эдберг, но даже они не стерпели: устроили 10-минутную забастовку протеста, сознательно задержав начало своего полуфинального матча в открытом первенстве США в сентябре 1987 года, когда по требованию местного телевидения их заставили приступить к игре в 10 часов утра после напряжённых четвертьфинальных поединков, закончившихся, в частности у Эдберга, накануне поздно вечером.

Волна телевизионного "насилия" докатилась и до Уимблдона, хотя организаторы этого чемпионата продолжают утверждать его полную "независимость". Да и как может быть иначе. Ведь прибыльность турнира во многом зависит от платежей телевизионных компаний за право телетрансляции матчей.

В 1985 году право вести телевизионные репортажи о матчах Уимблдонского турнира было продано его организаторами за 8,1 миллиона фунтов стерлингов. Традиции и здесь летят побоку, когда этого требует бизнес: на 99 прошедших чемпионатах в Уимблдоне всегда традиционно играли теннисными мячами белого цвета, но как только телевидение попросило заменить их жёлтыми, что якобы делает мячи более видимыми на телеэкранах, организаторы послушно согласились с этим требованием. На 100-м теннисном чемпионате в Уимблдоне в 1986 году впервые играли теннисными мячами жёлтого цвета, зато к 1987 году телекомпания выплачивала организаторам Уимблдона ещё более "кругленькую" сумму – порядка 10 миллионов фунтов стерлингов.

"Круги" профессионального тенниса

Профессиональные теннисисты-мужчины в настоящее время выступают в соревнованиях в серии турниров под названием "Набиско Гран при", женщины – "Вирджиния Слимс Уорлд Чемпионшип". Эти две серии и являются главным "полем битвы".

Начинаются они с января. Через 48 часов после встречи Нового года первый женский турнир открылся во Флориде, через неделю спортсменки перебрались для продолжения соревнований в Вашингтон, затем в Денвер, потом опять во Флориду и т.д.

Мужчины тем временем играли в Хьюстоне, затем перелетели в Сан-Паулу в Бразилию, оттуда вылетели на турнир в Токио, затем в Калифорнию.

График соревнований профессионалов чрезвычайно плотный, и их географический разброс весьма широк. Один турнир, к примеру, завершается в австралийском Мельбурне в воскресенье, а в понедельник начинаются соревнования в швейцарском городе Лугано, где разыгрывается приз в 100 тысяч долларов. И так весь год.

Игры профессионалов проводятся на закрытых кортах, открытых площадках, на высотных курортах Швейцарских Альп, в условиях латиноамериканских тропиков, в холодных Скандинавских странах... Спортсмены соревнуются на кортах любых покрытий: и цементных, и земляных, и синтетических, и травяных.

Эти серии, естественно, включают и "Большой шлем" – так совокупно называются открытые первенства США, Англии, Австралии и Франции.

Общая сумма призовых денег, разыгрываемых в 1987 году в серии мужских турниров, составила внушительную сумму в 26 миллионов долларов, у женщин несколько меньше – 15 миллионов долларов.

Результаты выступлений спортсменов и спортсменок в турнирах этих серий переводятся на язык ЭВМ и вводятся, как говорилось выше, в компьютер, который периодически определяет положение спортсмена в "табели о рангах" профессионального тенниса.

"Все сложности современного тенниса проистекают от того, что в нём сегодня проводится слишком много турниров и слишком большие деньги выплачивают за это "звездам". Просто не хватает первоклассных спортсменов, чтобы участвовать во всех турнирах. А те же, кто функционируют, изнашивают себя таким обилием тенниса, бесконечными переездами и другими выматывающими, хотя и выгодными обязательствами, – пишет авторитет в этой области, бывший теннисист-профессионал, а ныне преуспевающий бизнесмен Ф. Перри. – Кроме того, спортсмены находятся под постоянным психологическим давлением – всё время добиваться успеха, сохранять высокое место в компьютерном списке, которое автоматически открывает двери на главные теннисные турниры. Речь теперь уже не идёт о том, чтобы выиграть у кого-то ради победы. Сейчас спортсмены играют ради денег и компьютерных очков".

Краткое описание механизма функционирования системы профессионального тенниса дополню упоминанием, что организаторами, или спонсорами, этих соревнований являются совсем не благотворительные организации, как это можно предположить, а две гигантские американские монополии, преследующие в этом деле прежде всего свои корыстные интересы.

Под личиной "Набиско" скрывается американский корпоративный гигант "Рейнольдс", "Вирджиния Слимс" является дочерней компанией небезызвестной транснациональной корпорации "Филип Моррис".

Эти две компании – "родственницы": несмотря на довольно широкую амплитуду их деятельности в последние годы, основными для них продолжают оставаться доходы от продажи сигарет.

Финансовое благополучие "Рейнольдс" зависит от сбыта сигарет "Уинстон", "Кэмел", "Салем", "Винтадж", "Мор". "Филип Моррис" производит и продаёт в 170 странах мира 160 сортов своих сигарет, в том числе такие, как "Мальборо", "Вирджиния Слимс", "Мэрит", "Парламент" и др.

Чтобы объяснить такую неожиданную на первый взгляд причастность американских гигантов современного табачного бизнеса к теннису, следует сделать небольшой экскурс за океан.

В результате долгой и упорной борьбы, под давлением общественности конгресс США дважды, в 1965 и 1971 годах, после шумных и продолжительных дебатов выносил своё суждение по комплексу вопросов, связанных с курением и общественным здравоохранением, суммарно изложив его в двух перенасыщенных юридической терминологией законопроектах. Оба эти законопроекта с начала 1966 и 1971 годов вступили в действие как законы этой страны после того, как были подписаны президентами Джонсоном и Никсоном.

Героическим достижением этих законодательных актов, и следовательно, его творцов-конгрессменов, как это было преподнесено американской публике, стало положение о запрете с 1 января 1971 года рекламы сигарет по радио и телевидению.

На первый взгляд такое законодательное решение действительно выглядело победой общественности страны над своекорыстными интересами табачных монополий. Но это только на первый взгляд.

"Табачо рипортер" – орган табачной промышленности США – после того, как отгремела публичная канонада славословий в честь "сигаретной" законодательной мудрости конгресса и администрации, в очередном издании спокойно и деловито объяснил своим клиентам, как, не впадая в панику, надо понимать новый закон: "Хотя реклама сигарет по телевидению в настоящее время запрещена, присутствие на телеэкране соответствующего товара во время телевизионной передачи не подпадает под запрет". Например, во время автогонок гоночные автомобили могут быть раскрашены фирменными сигаретными эмблемами и их рекламными символами.

Телекамера, следуя за ходом гонок, не один раз может пройтись по придорожным щитам, рекламирующим сигареты. Наконец, экипажи гоночных автомобилей, тем более победители, могут курить, держа фирменные пачки сигарет на видном месте. Этот принцип относится к любой передаче."

Вот почему в настоящее время большинство спортивных международных телетрансляций финансируется табачными и другими монополиями, заинтересованными в сбыте своих товаров.

Спортивные передачи популярны и собирают своих собственных зрителей, однородных по возрасту, интересу, полу. Молодёжь предпочитает смотреть автогонки, люди среднего возраста – гольф. Теннис же привлекателен для всех возрастных групп. Таким образом, у табачной корпорации появилась прекрасная возможность через спортивные передачи продолжать активную и действенную рекламу своих табачных изделий.

Серия теннисных турниров "Вирджиния Слимс" так же, как и мужские соревнования профессионалов теннисистов, постоянно находится в центре внимания западной прессы и телевидения. Точно таким же именем – "Вирджиния Слимс", кстати говоря, именуется особый сорт сигарет, производимых компанией "Филип Моррис", который предназначается специально для женщин. Лозунг серии турниров "Вирджиния Слимс" – "Ты прошла большой путь, бэби!", – вроде бы констатирующий прогресс американских женщин в их трудной борьбе за эмансипацию, на самом деле заимствован из сигаретной рекламы: американская женщина утверждает себя через курение.

Вот вкратце чем главным образом объясняется заинтересованность транснациональных табачных монополий в организации и финансировании турниров профессионального тенниса: через профессиональный теннис осуществляется прямая фронтальная рекламная атака на зрителя. Но на него ведётся рекламное наступление и по другим направлениям.

Взять, к примеру, спортивную одежду и обувь. На этом рынке, который в Англии оценивается в сумму чуть меньше одного миллиарда долларов, а в США – в три с половиной, в настоящее время развернулась ожесточённая конкурентная борьба между крупнейшими корпорациями США, Англии, ФРГ, Франции.

Специфика этого рынка в наши дни заключается в том, что спортивную одежду при помощи активной рекламы сделали общепризнанным модным туалетом, если она несёт на себе тот или иной фирменный ярлык известного производителя. Тенниска с "крокодилом" – фирменным знаком французской компании "Лакоста", "лавровый венчик" – на рубашке английской фирмы "Перри" или "трилистник" западногерманской фирмы "Адидас" приобрели в глазах западного потребителя элемент престижности в повседневной, далёкой от спорта носке. И, замороженный рекламой, западный обыватель послушно покупает втридорога спортивную майку "Эллис", потому что подсознательно ассоциирует эту вещь и самого себя с молодым Беккером, победный матч которого в финале Уимблдонского турнира 1986 года он наблюдал в течение 3 часов.

За такую рекламную работу ведущим спортсменам-профессионалам платят очень хорошо.

22 июня, в день начала Уимблдонского чемпионата 1987 года, солидная лондонская газета "Дейли телеграф" опубликовала специальное приложение, посвящённое очередному открытому первенству Англии по теннису. В заключительной статье этого приложения, озаглавленной "Внутри цирка", в частности, говорилось:

"...Беккер, который, как предполагают, выиграет Уимблдон в третий раз в возрасте 19 лет, в настоящее время зарабатывает 10 миллионов долларов в год. Половину своих доходов он получает от игры в теннис, другая половина поступает к нему за то, что он играет в теннис в определённых, белых с красными вставками, шортах и майке и ракеткой одной и той же фирмы, ассоциирующейся с Б.Беккером-победителем".

Западногерманская компания по производству спортивной одежды, обуви и инвентаря "Пума", принадлежащая Армину Дасслеру – родному брату скончавшегося в начале 1987 года Хорста Дасслера, сделавшего другую западногерманскую фирму – "Адидас" – всемирно известным концерном, заключила в 1985 году контракт с Беккером, по которому он за 26 миллионов долларов в течение 6 лет обязался рекламировать определённые виды спорттоваров, производимых "Пумой".

Год спустя теннисные ракетки "Пумы", которая в прошлом вообще не занималась этим бизнесом, по продаже вышли в ФРГ на первое место. За это же время фирма продала 3 миллиона пар той модели теннисных туфель, в которых играет Беккер.

К. Эверт, по подсчётам английских газетчиков, получает около 2 миллионов долларов в год только за то, что она играет ракеткой фирмы "Уильсон", носит теннисное платье фирмы "Эллис", рекламирует английский чай "Липтон", швейцарские часы "Ролекс", британскую авиакомпанию "Бритиш Айруайс" и ещё что-то по контрактам с японскими компаниями.

Американский профессионал-ветеран Коннорс в 1986 году заключил контракт с американской "котлетной империей" "Макдональд", разрешив ей поместить фирменный знак этой корпорации на рукав своей тенниски. Говорят, что за это он получит сумму не менее, чем с пятью нулями.

"Бешеные деньги", которые зарабатывают ведущие профессионалы тенниса, разрешая использовать себя в качестве ходячей рекламной "доски объявлений", не так-то просто заполучить, как это кажется на первый взгляд.

Для этого прежде всего необходимо пробиться в компьютерном списке в число первых 20 или лучше первых 10 спортсменов в иерархии современного профессионального тенниса.

В поле зрения компьютеров, установленных в Ассоциации теннисных профессионалов и Женской международной теннисной ассоциации, постоянно находятся примерно по 1000 "действующих" спортсменов, регулярно выступающих в турнирах профессиональных серий. Ещё около 3 тысяч молодых теннисистов и теннисисток достаточно высокого уровня мастерства всячески стремятся заработать необходимые очки, чтобы попасть в список компьютерной "1000".

Однако, чтобы выбиться в "теннисные люди", одного таланта, мастерства или желания мало. Для этого здесь прежде всего нужны деньги. Ведь турниры профессионалов проводятся в десятках стран мира, на всех континентах. Чтобы участвовать в них или хотя бы пытаться пробиться на эти соревнования через сито квалификационных игр, устраиваемых для неименитых или просто неизвестных спортсменов, необходимо иметь возможность оплачивать авиационные перелёты из Нью-Йорка до Мельбурна, потом в Рио-де-Жанейро и т.д. А проживание в гостиницах, а аренда спортивных площадок для тренировок, а оплата услуг спарринг-партнёра, наконец, расходы по медицинскому обслуживанию, спортивная экипировка, теннисное снаряжение и инвентарь – всё это также выливается в весьма значительную денежную сумму, если расходы не берет на себя какая-нибудь заинтересованная в спортсмене частная фирма. Но компании-рекламодатели обращают всё своё внимание только на ведущих спортсменов профессионального тенниса, именно "звёзды" делают сборы, им отводится основное время в телевизионных репортажах.

Чтобы пробиться в ведущие спортсмены, нужно зарабатывать "компьютерные" очки, а для этого – участвовать в серии соревнований профессионалов – вот и получается в результате замкнутое кольцо, в котором в условиях жесточайшей конкуренции бьются около 3 тысяч молодых парней, а пробиваются вверх единицы!

Состав участников престижных, или "денежных", турниров профессионального "круга", где можно подзаработать и деньги, и компьютерные очки, комплектуется, как правило, из числа сильнейших спортсменов, определяемых по сумме набранных ими очков.

Например, в Уимблдонском чемпионате в последние годы в мужском одиночном разряде, или, как здесь говорят, в разряде "джентльменов", выступало 128 теннисистов, из которых 104 попадали автоматически из числа сильнейших профессионалов, подавших заявку на участие в нём, восьмерых организаторы этого чемпионата приглашали по собственному усмотрению, а 16 мест разыгрывались в специальном квалификационном турнире.

Турниры подобного рода предшествуют большинству основных соревнований профессионального "круга". Через их "сито" надо ещё суметь пробиться, чтобы завоевать право играть в основных. Конкуренция здесь жесточайшая. Ведь участник открытого первенства Англии, даже проиграв в первом же туре, в 1986 году получал 1880 фунтов стерлингов.

Каждое утро в середине июня в дни уимблдонского турнира около 300 молодых людей со спортивными сумками подтягиваются к парку Роехамптон из разных концов Лондона.

Они приезжают сюда не на роскошных лимузинах с шофёрами, не на такси, а различными маршрутами обычного городского транспорта. Многие знают друг друга.

Перед началом игр обмениваются новостями: говорят, что на квалификационных соревнованиях в Турине будут бесплатно предоставлять жилье, да нет, не жилье, обещают оплатить только проезд; частный клуб в Бирмингеме организует открытый турнир с первым призом в 100 фунтов, есть ли желающие принять участие? А правда, что в этом году будут платить за последний тур квалификационного турнира? Есть ли возможность подселиться к кому-нибудь на пару дней?

Начинаются квалификационные соревнования. Начинаются буднично, на вытопанных кортах городского парка. Здесь нет судейских бригад, нет мальчиков, подающих мячи, практически нет зрителей, в общем, нет того антуража, с которым ассоциируются крупные теннисные соревнования профессионального "круга".

Для большинства участников этого турнира он в тот же день и заканчивается.

"Каждый вечер, возвращаясь к себе в комнату, я пересчитываю оставшиеся деньги, - говорит 23-летний спортсмен из Бразилии Люис Миллер (680-е место в компьютерном списке). – Я, должно быть, больше всех выступал в квалификационных соревнованиях, предшествующих основным турнирам из серии "Гран при", но когда ты доходишь до последнего круга, а тебе так нужны деньги, что просто не хватает духа выиграть последний матч".

Люис весьма скептически относится к существующему мнению, что мотивировка и голод заставляют спортсмена играть лучше. Он твёрдо уверен, что материальная поддержка в течение года коренным образом изменила бы его теннисную судьбу.

Иллюзорная близость "теннисного счастья", сопутствующего ему материального благополучия держит молодых спортсменов на привязи надежды выиграть когда-нибудь тот самый матч, который изменит его судьбу.

Крис Эмери – 24-летний американец (692-е место в компьютерном списке) рассказывает, что уже 3 раза участвовал в предуимблдонском классификационном турнире. В 1987 году ему повезло – нет, не в теннисе, а по жизни: смог остановиться в Лондоне у родственников, сэкономил в результате те 695 фунтов, которые заработал здесь, выступая в местных клубах. Теперь сможет поехать на юг Франции. Там надеется ещё подзаработать, чтобы затем попытаться сыграть в каком-нибудь серьёзном турнире. Доволен ли он своей жизнью? Да вроде бы всё нормально. В религию, наркотики, мистику не ушёл, комплексом неполноценности не страдает: не то что те, кто уже сошёл с "круга". Появилось много новых лиц, молодёжи...

В свою очередь, ведущие профессионалы тенниса на Западе уже давно превратились, по существу, в мощные капиталистические предприятия, оснащённые штатом тренеров, юристов, врачей, психологов и обязательно коммерческим директором. Да и как в наши дни без него обойдёшься, когда участие спортсмена-профессионала в том или ином турнире определяется целым рядом факторов, в частности и курсом валюты той страны, где происходит турнир, по отношению к доллару: все базовые расчёты денежных призов делаются в долларах и их пересчёт в местную валюту зависит от текущего курса данной валюты по отношению к доллару.

У многих ведущих профессионалов имеются собственные спортивные базы в разных климатических зонах, что даёт им возможность поддерживать спортивную форму в течении сезона. Для них не представляет никакой финансовой проблемы перелёт из Нью-Йорка в Токио так же, как и проживание вместе со своим сопровождением в удобно расположенной и комфортабельной гостинице, или специально для этого снятой вилле.

Различные корпорации многих стран мира засыпают их заманчивыми предложениями по рекламе своих товаров.

Финансовая независимость и высокий профессионализм дают возможность ведущим спортсменам успешно выступать в турнирах с таким расчётом, чтобы при минимальных затратах сил добывать максимально возможное количество компьютерных очков и денег. Такого манёвра практически лишены спортсмены, не входящие в список первых 50 сильнейших.

По свидетельству западной спортивной прессы, организаторы отдельных теннисных турниров профессионального "круга" нелегально выплачивают ведущим спортсменам значительные суммы в качестве так называемых "эспиранс мани" – деньги за их персональное участие в данном турнире, для придания ему большей популярности и соответственно большей его прибыльности.

Кроме того, лидеры профессионального тенниса часто принимают участие в организуемых специально для них показательных выступлениях, дающих им верный шанс хорошо подзаработать без больших затрат собственных сил.

Вот, например, почти дословный пересказ репортажа о первом дне соревнований открытого первенства по теннису Монте-Карло, проходившего в апреле 1987 года в рамках профессиональных турниров из серии "Гран при".

Прекрасная погода: солнечно и тепло. Великолепный вид на прилегающие к стадиону горы. Повсюду множество в рост человека рекламных фотоплакатов Б.Беккера в спортивной экипировке, производимой "Пумой". Беккер – фаворит этого турнира, тем более что И.Лендл в нём не участвует. Никто не сомневается в исходе его встречи с американцем Ариасом, занимающим на данный день всего

лишь 53-е место в профессиональной классификационной "иерархии". Однако Беккер сегодня – явно не в ударе. Его мячи регулярно улетают за пределы площадки противника. Ариас в свою очередь играет с подъёмом, очень собранно и хладнокровно. В результате, к всеобщему удивлению, Беккер вчистую проигрывает этот матч. Устроители турнира повержены в панику: ещё бы, с первого же дня чемпионата лишились "звезды", делавшей им основные сборы. Сам Беккер философски невозмутим, а его коммерческий директор Цириак объявил, что Беккер ещё появится на здешних кортах, завтра он выступит в "показательном матче", организуемом и финансируемом крупной страховой компанией, за что последняя выплатит теннисисту 325 тысяч долларов – сумму более чем в четыре раза превышающую ту, что достанется победителю только что начавшегося турнира.

Данный эпизод, думается, не требует каких – либо комментариев.

Однако при всем этом неверно думать, что жизнь ведущих спортсменов-теннисистов сплошь усыпана розами и банковскими чеками. Годами распорядок их повседневной жизни распisan по минутам и концентрируется на одном – быстрее делать деньги.

По контрактам с устроителями серий турниров профессионалов все ведущие теннисисты обязаны выступить по крайней мере в 15 из них. Другими словами, каждый спортсмен должен играть больше чем один турнир в месяц, не считая очень выгодных показательных выступлений, а также соревнований в престижных национальных чемпионатах "Большого шлема".

"Я не играю и лечу в самолёте, значит, сегодня – воскресенье", – с горькой иронией констатировала недавно "звезда" женского профессионального тенниса, беседуя с корреспондентом на борту самолёта, доставлявшего её на очередной турнир.

Громадное психологическое давление, под которым постоянно находятся "звёзды" профессионального тенниса – сделать как можно больше денег за недолгий век профессионала, наряду с физически изматывающим графиком нескончаемой вереницы ожесточённых теннисных баталий, быстро разрушает здоровье и спортивную карьеру молодых спортсменов. Не случайно среди профессионалов широко бытует термин-определение "сгоревший".

Швед Борг, пятикратный победитель Уимблдона, "сгорел" в 26 лет. Американец Макинрой, трёхкратный победитель открытого первенства Англии, после поражения в четвертьфинале этого чемпионата в 1985 году признался, что в свои 26 лет он чувствует себя "старым" и "усталым" и с этого времени результативность его выступлений резко пошла вниз.

Даже молодой Беккер, в свои 17 лет ярком звездой вспыхнувший на небосклоне профессионального тенниса, через 2 года, после 11 поражений в различных турнирах 1987 года, включая 4 чемпионата "Большого шлема", признался, что у него "усталость скопилась в костях". Правда, при этом он, как обещание прежде всего самому себе, напомнил, что ему ещё только 19 лет – есть время для будущих побед. Безусловно, у талантливого спортсмена есть все объективные данные рассчитывать на большой спортивный успех впереди. Однако уже сегодня будущие победы не представляются ему самому как нечто лёгкое и само собой разумеющееся. Его дальнейшая судьба во многом будет зависеть от того, насколько рационально он и его окружение сумеют распорядиться данным Беккеру спортивным талантом, эксплуатируя его со всевозрастающей двойной перегрузкой: спорта и коммерции. А в профессиональном теннисе, как показывает опыт, выдержать такое напряжение длительное время очень трудно. Как я уже говорил, здесь функционирует система взаимоотношений хорошо отлаженного капиталистического предпринимательства. В рамках распределения прибылей этой системы перепадает, и весьма изрядно, элитарной группе теннисных "звёзд". Однако при этом нельзя не видеть, что в основе этой системы, если оперировать категориями обыкновенных человеческих ценностей, лежит "жадность и погоня за собственными интересами каждой из её составных частей". Такое определение движущих мотивов сложившейся системы функционирования профессионального тенниса было дано летом 1987 года одним из сильнейших профессиональных теннисистов мира шведом М.Виландером. В интервью корреспонденту "Дейли телеграф", опубликованном за неделю до начала игр Уимблдонского чемпионата 1987 года, Виландер подтвердил, что теннисисты-профессионалы под давлением агентов, которые представляют их (а вместе с тем и свои собственные коммерческие

интересы – ведь чем выше гонорар спортсмена, тем больше перепадает и его агенту), вынуждены слишком, часто принимать участие в бессмысленных демонстрационных играх, которые увеличивают их денежные счета в банках, однако быстро истощают ограниченный запас энергии и энтузиазма спортсмена.

"Когда ты приходишь в большой теннис, – говорит Виландер, – сразу осознаёшь, какие большие возможности делать деньги имеются вокруг тебя. Именно поэтому появляется сильное искушение воспользоваться ими: нахватать побыстрее как можно больше денег".

Вот здесь-то и таится, пожалуй, самая большая опасность, особенно для одарённых спортсменов: безрассудно разменять, под давлением коммерческих интересов, свой талант, а то и здоровье на доллары.

У спортсменов же, не входящих в элитарную группу сильнейших профессионалов мирового тенниса, свои заботы и трудности, и прежде всего – как свести "теннисные" концы с концами.

"Слишком много спортсменов продолжают выступать сегодня из-за денег даже с травмами. Пока им удаётся выигрывать во вторых турах соревнований и получать за это наличные и компьютерные очки, они удовлетворены, – опять цитируем Ф.Перри. – Когда в наши дни смотришь на результаты матчей профессионалов-теннисистов, не можешь не удивляться тому, как много встреч завершается с таким счётом как 6:7 1:6. Это не просто случайные совпадения.

Если спортсмен во втором туре при поражении получает 1000 долларов, а в случае выигрыша в третьем должен выступать против Макинроя, то для него гораздо проще, проигрывая, несмотря на все старания в упорной борьбе, первый сет, не надрываться во втором, а забрать причитающиеся ему на этом турнире деньги и перебраться на другой".

25-летняя американка Алисия Мултон, занимающая 25-е место в классификации профессионального тенниса, жалуется: "В отличие от "звёзд" большинство профессиональных теннисистов просто не в состоянии позволить себе иметь постоянного тренера и помощников, а также жить в приличных отелях, что могло бы несколько скрасить те 35 недель в году, которые проходят в разъездах. Я существую как деловое предприятие, состоящее из одной женщины."

"Помимо игр и тренировок, я должна распорядиться своей жизнью по законам бизнеса: вести учёт всем своим доходам и расходам, своевременно заказывать билеты при поездках, находить площадки для тренировок и нужный тренерский совет, устраивать интервью и вести работу по собственной рекламе".

А вот что говорит 23-летняя англичанка Кейт Брэшир, занимавшая 140-е место в классификации профессиональных спортсменок-теннисисток: "Люди склонны судить о профессиональном теннисе по тому, что случается на его "вершине". Но лидеры профессионального тенниса живут наподобие героев "Династии" (популярной американской телесери о жизни миллионеров). Они окружают себя узким кругом людей, большинство из которых являются деятелями из шоу-бизнеса, придерживающимися такого же образа жизни. Они изолированы от реальностей окружающей их действительности, даже от реальностей их собственного вида спорта".

Даже такой закалённый ветеран профессионального тенниса, как 34-летний американец Дж.Коннорс, "сорвался" перед началом Уимблдонского чемпионата 1986 года, когда заявил корреспондентам: "Так приятно оторваться от всего, что сопровождает профессиональный теннис, и людей, которые говорят тебе, что делать, когда играть, с кем играть, где играть и как играть".

Спортсмен, очевидно, намекал на те "дела", которые творятся за кулисами этого, якобы традиционно "чистого", спорта. Коннорс явно имел в виду те проблемы профессионального тенниса – те махинации в нём, которые впервые так откровенно были обнажены во время идущего в настоящее время судебного процесса в Нью-Йорке.

Доходы от профессионального тенниса не поделили между собой те, кто больше всего на нём наживаются: бывший спонсор теннисных турниров серии "Гран при" шведская корпорация "Вольво", Международный совет мужского профессионального тенниса – головная организация профессионального тенниса – и ряд специализированных посреднических фирм, выступающих в качестве агентов

сильнейших теннисных профессионалов. За "правдой" пошли в федеральный суд Нью-Йорка, по базарному обвиняя друг друга в манипуляции профессиональным теннисом "с целью собственной выгоды", "в заговоре с целью создания собственной монополии", "в незаконной конкуренции", "в попытках рэкета, коррупции" и ... в дюжине прочих смертных грехов. В общем, бывшие коллеги по бизнесу схватились, по выражению "Советского спорта", "как скорпионы в банке".

Однако можно не сомневаться в том, что если когда-нибудь федеральный суд Нью-Йорка и вынесет какое-нибудь решение по данному делу, оно несколько не изменит сути профессионального тенниса на Западе. Ведь профессиональному теннису там присущи все недостатки профессионального спорта, верой и правдой служащего интересам большого бизнеса.

Распродажа Уимблдона

Исторический опыт свидетельствует, что гордый и чопорный Уимблдон, вернее его владелец "Всеанглийский клуб" никогда не чурался возможности погреть руки на доходах от тенниса.

Первый чемпионат по теннису в Уимблдоне в 1877 году принёс клубу всего лишь 10 фунтов, да и те от продажи теннисной сетки и другого теннисного инвентаря. Через два года доходы от теннисного турнира возросли до 116 фунтов, а ещё через 100 с лишним лет – до 10 миллионов.

Этот доход складывается сегодня от поступлений из разных источников: от продажи билетов на соревнования вообще и на Центральный и Первый корты в частности, куда билеты, как правило, реализуются постоянным покупателям на долгосрочной основе; от продажи прав теле- и радиотрансляции.

Помимо этого, администрация Уимблдона сдаёт в аренду на две недели своим корпоративным клиентам 44 павильона, за что взимает хороший куш.

Почти 200 тысяч фунтов стерлингов приносит организаторам этих соревнований продажа памятных программ и различных сувениров во время чемпионата.

Значительную сумму денег они получают от компании, которой ежегодно продают право организовать здесь в эти две недели продажу прохладительных напитков, пива, шампанского, бутербродов, сосисок, мороженого и, конечно, клубники со сливками.

Со свойственным "Всеанглийскому клубу" снобизмом его представители постоянно публично утверждают, что Уимблдон никогда не опускался и не опустится до "полной деградации" – не отдаст чемпионат в руки коммерческих спонсоров.

Это – правда, но только отчасти. Действительно, вокруг теннисных кортов пока нет рекламных щитов, призывающих курить сигареты "Мальборо", пить виски "Белая лошадь", покупать японские телевизоры фирмы "Сони". Такой откровенной и массовой рекламой в Уимблдоне пока не наблюдается.

Однако если внимательно приглядеться, то нельзя здесь не заметить на зелёном брезенте, окаймляющем спортивные площадки этого теннисного парка, небольшие, но броские, симметрично размещённые эмблемы фирмы "Шлезинджер" – силуэт пантеры, растянувшейся в прыжке на буквах собственного фирменного наименования.

Главное электронное табло Центрального корта, гордо увенчанное декоративной короной с надписью "Ролекс", напоминает зрителям этого стадиона и миллионам телезрителей о существовании этой знаменитой швейцарской часовой компании и её престижной продукции.

В момент отдыха спортсменов в ходе матчей Уимблдонского чемпионата, когда их показывают по телевидению крупным планом, за ними на специально предназначенном для этого месте под судейской вышкой всегда виднеются большие бутылки с "ячменной водой Робинсона", с которой в последние годы уверенно соседствует "Кока-Кола".

Такие рекламные вставки здесь, в мире капитала, случайно или бесплатно не делаются. За них обязательно платят, и немалые деньги. Однако об этом "Всеанглийский клуб" предпочитает помалкивать. Это его право: клуб-то – организация частная.

В начале 70-х годов устроители Уимблдона, идя в ногу со временем, решили пополнить свои доходы от теннисного чемпионата за счёт поступлений по новым статьям, в частности от продажи ряду фирм во многих странах мира права присваивать торговую марку "Уимблдон" своей продукции массового производства.

В глазах покупателей товары, ассоциируясь с популярным теннисным чемпионатом в Великобритании и в целом с ещё довольно высоким качеством большинства английских товаров ширпотреба, получали дополнительную привлекательность.

С этой целью была создана художественная эмблема Уимблдона – зелёный кружок с буквой "У" в центре – и началась активная торговля ею. Поначалу "Всеанглийский клуб" действовал через известную американскую фирму-посредник "IMG", делающую бизнес на и вокруг профессионального спорта.

Глава этой фирмы, небезызвестный М.Маккормик, выпустивший в 1986 году в свет свою книгу с названием, говорящим само за себя – "Чему они вас не учат в Гарвардской школе бизнеса", помог, разумеется, за хорошее вознаграждение, заключить контракт с крупной японской компанией "Риноун", разрешающий фирме метить свою продукцию – широкий ассортимент спортивных товаров – торговой маркой Уимблдона. За этим контрактом последовали другие, также с японскими корпорациями.

В настоящее время около 15 японских фирм продают широкую гамму товаров массового потребления под торговой маркой "Уимблдон": мужскую и женскую теннисную одежду, спортивную обувь, спортивные сумки, бумажники, поясные ремни, перчатки, зажигалки, солнцезащитные очки.

На Тайване сегодня делают ракетки "Уимблдон".

Разохотившиеся руководители "Всеанглийского клуба" решили избавиться от прожорливого посредника – фирмы "IMG" взять все вопросы, связанные с такой торговлей, в свои собственные руки.

С этой целью правление клуба в 1985 году учредило впервые в своей истории специальную должность – директора по маркетингу – и назначило на неё бывшего экспортного директора фирмы "Шлезинджер", который, не теряя времени, стал с рвением уговаривать компании США, Европы, Южной Америки последовать примеру японских фирм.

Уже есть и конкретные результаты этой бурной деятельности. В США с фирменной маркой "Уимблдон" в настоящее время продаются шляпы, чемоданы, спортивные сумки, спортивная одежда. В Бельгии – купальные халаты и полотенца. В самой Англии – теннисная форма. Все доходы от такой торговли символикой Уимблдона поступают, разумеется, непосредственно в казну "Всеанглийского клуба".

В 1987 году, как сообщалось в печати, крупнейшая корпорация США по производству спортивной одежды и обуви "Найк" якобы согласилась выбросить на рынок США миллион пар спортивных туфель с эмблемой Уимблдона.

Готовилась фирма к этому серьёзно: на экранах американских телевизоров появился "коммершиалз", в котором известный английский актёр проникновенно читает отрывок из стихотворения Р.Киплинга "Если..." (известная строфа из которого выгравирована над дверью раздевалки спортсменов на Центральном корте) на фоне новых теннисных туфель "Уимблдон".

Общий оборот всех товаров, продаваемых в мире под маркой "Уимблдон", в 1986 году оценивался в 40 миллионов долларов, значительный процент от этой суммы перечислен "Всеанглийскому клубу". Это не говоря уже о том, что от проведения открытого первенства Англии в Уимблдоне "Всеанглийский клуб" получает свою "мзду". В 1984-1987 годах, например, эти поступления составляли сумму свыше 10 миллионов фунтов стерлингов ежегодно.

Дальнейшая судьба этих средств известна в полном объеме только руководителям "Всеанглийского клуба" и в определенной степени "Лаун теннис ассошиэйшн" – национальной организации, призванной контролировать, координировать и направлять развитие тенниса в стране.

Финансовые взаимоотношения между клубом и ассоциацией английской общественности практически неизвестны. Иногда вскользь упоминается, что финансовая деятельность этих двух организаций регулируется каким-то соглашением 1922 года, несколько модифицированным в 1934 и 1966 годах. Суть этих договоренностей в основном сводится к тому, что все доходы от Уимблдонского чемпионата должны распределяться следующим образом: "Всеанглийский клуб" прежде всего использует эти поступления для компенсации всех своих расходов по проведению открытого первенства Англии по теннису, содержанию, ремонту, модернизации всех служебных зданий, спортивных и бытовых сооружений, принадлежащих клубу, включая рестораны, бары, душевые, читальни, комнаты для отдыха и т.п. Помимо этого клуб забирает себе какую-то сумму, формально зачисляя её в свой резерв для финансирования возможных новых проектов, после чего остаток средств, полученных от чемпионата, передаётся ассоциации для использования на цели "развития тенниса в стране".

Конечно, теперь ситуация несколько изменилась. Официальные представители "Всеанглийского клуба" стали больше делиться с прессой с данными о доходах этой организации. Известно, например, что из 9,93 миллиона фунтов стерлингов, полученных от чемпионата 1984 года, клуб передал ассоциации немногим более 4 миллионов, что, правда, составило всё те же 43 процента от суммы общих поступлений, а в 1985 году – уже около 5 миллионов фунтов стерлингов.

Остальные средства, как всегда идут на то, чтобы сделать жизнь "Всеанглийского клуба" более комфортабельной, приятной и удобной. Обманчивый эпитет "всеанглийский" в действительности скрадывает всего только каких-нибудь 375 постоянных членов и около 100 временных. Этой элитарной публике круглогодично доступны все теннисные корты Уимблдона, лужайки для игры в крокет, гольф.

Здесь они в любое время за номинальную плату могут пообедать или поужинать, попариться в бане или принять душ и массаж. За все эти услуги члены клуба платят смехотворно малый годовой взнос в 26 фунтов стерлингов.

Летом 1986 года профессиональные теннисные бойцы в сотый раз скрестили свои ракетки на площадках Уимблдона. Для Англии этот турнир был знаменателен ещё одной годовщиной: 50 лет со дня последней победы англичанина в мужском одиночном разряде первенства. "Нам так же практически невозможно иметь собственного теннисного чемпиона, как послать кого-либо на Луну", – откровенно признал недавно один популярный лондонский еженедельник.

Следует ли этому удивляться? Видимо, нет. Ведь теннис продолжает оставаться в Англии привилегированным спортом имущего меньшинства, менять сложившуюся структуру, чтобы "подобрать ракетки к мячам", это меньшинство в ближайшее время, да ещё по собственной воле, видимо, не собирается.

ТЕННИС И НАРКОТИКИ

Уимблдон обожает годовщины, круглые даты, каждая из которых взрывается просто фонтаном ностальгических воспоминаний, статистических сопоставлений, полузабытых историй о доблести и благородстве его участников и организаторов и, конечно, очевидных курьёзах.

100-й мужской чемпионат, то бишь чемпионат джентльменов по теннису в Уимблдоне в 1986 году, как это зафиксировано в анналах этих соревнований, был знаменателен во многих отношениях.

Впервые в истории этих соревнований девочкам-школьницам было разрешено подавать теннисные мячи спортсменам на Центральном корте. С монопольным правом мальчиков на исключительное право в данной "сфере обслуживания" было, таким образом, покончено...

Впервые с 1909 года все четыре спортсмена, вышедшие в два полуфинала этого чемпионата, были европейцами, и впервые с 1970 года ни один из американских теннисистов не попал в эту четвёрку лучших.

Впервые в открытом первенстве Англии по теннису в финале женских соревнований чемпионата в том же году выступали спортсменки, рождённые в Европе.

В 1986 году всех мужчин-теннисистов, участвующих в Уимблдонском чемпионате, впервые в истории тенниса проверяли в обязательном порядке на наркотики.

Операция "Волшебник"

27 июня 1986 года в Лондоне было очень жарко. Термометр показывал 37 градусов в тени. Метеорологи объясняли такую необычно высокую для этих мест температуру вторжением в Англию воздушной волны прямо из Сахары.

Уимблдон в тот день, несмотря на такую высокую температуру, зафиксировал рекордную цифру посетителей, побывавших здесь, – 42949 человек. Многие из тех, кто пришёл сюда в этот день, были лишены возможности наблюдать за ходом теннисных поединков на внешних кортах – настолько густо они были облеплены людьми.

Устроители Уимблдона никогда не называют публично число посетителей, которое может быть допущено в этот парк по разумным нормам безопасности и одновременно достаточно разреженно, чтобы предоставлять зрителям возможность беспрепятственно "болеть" за спортсменов в игре.

Известно, правда, что на Центральном, Первом и Втором кортах может разместиться 30 503 посетителя. Что касается остальных зрителей, так это уж их собственное дело обеспечить себе место у корта – вне Центрального корта в Уимблдоне все равны, и сам смотри за тем, чтобы тебя не хватил солнечный удар в такой жаркий день, как это случилось с 350 неосмотрительными теннисными болельщиками на Уимблдоне 27 июня 1986 года.

Необычайная жара гнала в этот день обычных жителей Лондона – не теннисных "болельщиков" – к морскому побережью, к прохладному морю.

Благо что трудовая неделя заканчивалась – пятница: наступал уик-энд. Весь Южный Лондон во второй половине дня оказался запруженным автомобильными потоками, сбегавшими сюда со всех концов города, чтобы разлиться по основным шоссе-дорогам, идущим на юг к приморским городам и курортным местечкам Южной Англии, расположенным в каких-нибудь часе-двух езды от Лондона, конечно, при условии нормального автомобильного движения.

В этот день оно таковым решительно не было. Жара, уик-энд и Уимблдон сделали своё дело: автомобильная масса наглухо забила сразу после полудня все основные магистрали Южного Лондона. Движение здесь практически встало. Изнывающие от жары автомобилисты отрешённо глазели по сторонам, потеряв всякую надежду, что стоящая перед ними автомашина когда-нибудь тронется с места.

Те из них, маршрут которых пролегал мимо блока коммунальных домов в Южном Лондоне, расположенного на Армори Уйэ, в районе Вэндсуорс, совершенно неожиданно оказались свидетелями зрелища, приковавшего их внимание своей схожестью со сценами из полицейских боевиков, обычно показываемых на вечернем телеэкране. Однако на сей раз действие было вполне достоверным.

Несколько сот человек в полицейской форме и штатском платье окружили эти дома со всех сторон. Затем по команде одни группы с ломками и кувалдами в руках ринулись выламывать двери, ведущие в жилые помещения; другие – заблокировали задние выходы из этих квартир, а третьи – споро вскрыли близлежащие к окружённым домам канализационные люки и скрылись в них.

Перед глазами изумлённых автомобилистов, как на экране телевизора, разворачивалась настоящая, действительно крупномасштабная полицейская операция под кодовым наименованием "Волшебник".

Почему она так названа, сказать непосвящённому затруднительно. Однако с деталями этой операции на следующий день жителей Лондона ознакомили ведущие местные газеты, упоминалось о ней и по телевидению в текущих новостях информационной хроники.

Данная операция преподносилась местным жителям как очередной большой успех полиции в борьбе с волной наркомании, захлестнувшей страну в последние годы.

Средства массовой информации сообщали, что в результате предпринятой акции в Южном Лондоне разгромлена ещё одна крупная банда, занимавшаяся продажей наркотиков в этой части города. 61 человек арестован с поличным, их попытки при аресте избавиться от наркотиков через канализационную систему были пресечены полицейскими, заблаговременно перекрывшими эти каналы.

Английскую общественность информировали также, что аналогичные рейды полиции были совершены в ряде других районов города и что все они также прошли успешно, завершившись конфискацией больших партий героина, кокаина, марихуаны и т.д. и многочисленными арестами "пушеров" – лиц, которые занимаются уличной распродажей наркотиков.

От такой информации невольно складывается впечатление, что наркотическому буму, разросшемуся в Англии, если и не положен конец, то уж во всяком случае нанесён смертельный удар.

Однако это, к сожалению, далеко не так. Оптимистические репортажи подобного рода не в состоянии противостоять нарастающей волне тревожных свидетельств о "белой чуме", "героиновой проблеме", "массовом наркотическом безумии" – темы, которые в последнее время заполнили содержание любого рассказа о жизни самых различных районов Англии.

Картина, которую эти сообщения достаточно объективно рисуют, довольно неприглядна. Но самое главное, что совершенно очевидно явствует из этой однородной по своему характеру информации, – ситуация с наркоманией в Англии неумолимо перерастает в первостепенную проблему подлинно национального масштаба.

Серьёзность создавшегося в стране положения в этом вопросе ещё больше усугубляется участвовавшими в последнее время случаями низвержения с пьедестала общественного преклонения из-за злоупотребления наркотиками общепризнанных кумиров, каковыми здесь являются наиболее популярные исполнители "поп-музыки", а также профессиональные спортсмены.

Летом 1986 года один из самых популярных исполнителей современной английской "поп-музыки" Бой Джордж оказался в частной наркологической клинике Лондона из-за своей "героиновой зависимости", а лидер английского крикета – самой популярной спортивной игры в Англии – Ботам в это же самое время публично признался, к ужасу традиционных поклонников крикета, в том, что он время от времени употребляет марихуану и не видит в этом ничего плохого.

Безусловно, проблема наркомании в Англии ещё не достигла таких размеров, как в США, где, как считают, около 30 миллионов американцев – 12 процентов населения страны – пробовали кокаин, а 6 миллионов человек употребляют его регулярно. Тем не менее даже очень осторожная и нарочито замедленная официальная статистическая информация вынуждена признать, что если в 1982 году к наркотикам впервые пристрастилось 2793 человека, а в 1983-м – 4200, то в 1984 году таких личностей в Англии уже насчитывалось 7410.

Правда, следует учитывать всю условность этих данных, полученных на основании поступивших в английское министерство внутренних дел сообщений от государственных и частных лечебных заведений, самостоятельно и бесконтрольно принимавших решения, какую информацию по данному вопросу направить в министерство.

Другой, более достоверный, ряд статистических данных говорит о том, что если в 1980 году в Англии было арестовано и осуждено за уголовные преступления, связанные с ввозом в страну и распространением внутри неё различных наркотиков, 2618 лиц, то в 1984 году их число возросло до 4766.

Весьма показателен и тот факт, что в 1985 году, как это было официально объявлено, английские таможенные службы задержали при попытке контрабандного провоза в Англию 88 килограммов кокаина, что было на 150 процентов больше, чем в 1984 году.

Такие чрезвычайные обстоятельства заставляют правительство Англии принимать значительные усилия по противодействию наркомании. Здесь создана специальная межведомственная группа по проблемам борьбы с наркоманией и особое подразделение в структуре полицейских сил, предпринимаются некоторые шаги по предотвращению поставок наркотиков в Англию из-за рубежа.

Однако, по оценке авторитетного лондонского журнала "Экономист", эти правительственные мероприятия представляют собой всего-навсего "ничтожный укол многоголовому чудовищу".

Этот же журнал предсказывает, что в сегодняшних масштабах проблема наркомании в Англии носит тем не менее всего лишь начальную характер, полного развития её следует ожидать в ближайшие годы.

"Скорость" и корысть

"Экономист" строит свой вышеупомянутый прогноз, исходя из общей ситуации, сложившейся на мировом рынке наркотиков, который реально существует, несмотря на все громогласные осуждения западными державами практики торговли наркотиками, а также на те меры, которые принимаются ими для нейтрализации этого преступного бизнеса.

Дело в том, что Соединённые Штаты, на которые приходится приблизительно половина всей нелегальной торговли наркотиками в мире, пока не в состоянии "переваривать" всё количество основных разновидностей этого зелья.

По этой причине преступные синдикаты, занимающиеся данным бизнесом, активно ищут новые рынки для расширения продажи наркотиков, и прежде всего кокаина. Западная Европа, и в частности Англия, с их точки зрения, является для этой цели наиболее перспективной зоной.

У "Экономиста", разумеется, не хватает духу признать, что к быстрому росту потребления наркотиков в стране неумолимо ведёт и сама внутренняя политика правящей консервативной партии, усугубляющая и распространяющая социальную несправедливость в этом обществе на всё более широкие слои населения. Прежде всего на молодых, которых она лишает самого главного в самом начале их жизненного пути – надежды на работу, на нормальную обеспеченную жизнь. Не случайно поэтому – и это не в состоянии скрыть статистика – в число наркоманов попадает всё больше юных англичан, которые ищут в наркотиках убежище от гнёта житейских невзгод, суровой действительности несправедливого общественного устройства.

Западные эксперты подметили одну характерную особенность проникновения международных торговцев наркотиками в Англию. Эти преступные синдикаты выявляют нелегальную сеть, по которой в стране подпольно распространяются синтетические препараты из группы возбуждающих аминов, или, как их здесь называют, "скорость". Клиентура этой сети, как хорошо известно торговцам наркотиками, может "без труда" переключиться на кокаин или героин – "скорость" сделала своё дело. Тем более что появившийся в настоящее время новый "продукт" – кокаиновая смесь "крэк", которую можно смешивать с табаком и курить как сигарету, по своей уличной стоимости относительно дешева и более доступна для молодёжи.

В отличие от привозного кокаина и героина таблетки "скорость" делаются, как правило, по всей стране, и их употребление в Англии из года в год резко увеличивается, растут мощности по их производству. Если число арестов незаконных производителей этих таблеток в стране возросло с 1980 по 1984 год в четыре раза, то конфискованное количество готовой продукции увеличилось за это время в 10 раз.

Популярность этого наркотика на английском чёрном рынке объясняется прежде всего эффектом его воздействия и сравнительно дешёвой ценой. При употреблении препарат немедленно активизирует центральную нервную систему человека, повышает артериальное давление, возбуждает сердечную деятельность, расширяет дыхательные пути. У принявшего "скорость" комбинированный эффект создаёт состояние эйфории и заметно повышенной активности.

Препараты из группы возбуждающих аминов пользуются большим спросом и у профессиональных спортсменов.

В сложном мире профессионального спорта на Западе, где победа или поражение автоматически влекут за собой соответствующие материальные последствия, спортсмены в жесточайшей конкуренции часто идут на чрезвычайные меры, чтобы обеспечить себе преимущество в наиболее трудный момент спортивного состязания. Здесь уж не думают о том, что употребление наркотического или какого-либо другого препарата ведёт к подрыву здоровья, истощению нервной системы, снижает сопротивляемость организма к заболеваниям, грозит преждевременным инфарктом или мозговым спазмом, а самое главное – создаёт наркологическую зависимость от препарата, без которого спортсмен уже вообще не способен показывать хорошие результаты.

Многие спортсмены-профессионалы употребляют не только наркотики типа "скорость". В зависимости от вида спорта и обстоятельств они могут прибегать и к анаболическим препаратам для форсированного наращивания мускулатуры и силы, и к успокаивающим средствам, к различным фармакологическим "восстановителям", а также и к анальгетикам типа кодеина или героина при выступлении с болезненной травмой.

По недавнему свидетельству английской "Санди таймс", шесть из десяти британских атлетов принимают те или другие препараты для улучшения своих спортивных показателей. Заставляют их делать это – деньги, которые профессиональный спортсмен может таким образом заработать.

Деньги же являются одним из главных факторов, стоящих за разрастающейся эпидемией наркомании в Англии. Речь здесь идёт не только о международных синдикатах мафии, всё активнее проникающих на местный нелегальный рынок наркотиков, но и о собственных английских предпринимателях, беззастенчиво делающих бизнес на производстве и продаже наркотиков своей молодёжи вопреки всем увещаниям правительства и общественности.

"Свободная игра рыночных сил" закономерно действует здесь в соответствии с логикой общественного устройства и на нелегальном рынке.

По данным лондонской полиции, обыкновенный аптекарь-частник может, истратив 300 фунтов стерлингов на сырьевые материалы, изготовить таблеток типа "скорость" на 50 000 фунтов по их уличной стоимости. Из этого же источника: число в стране таких подпольных "фабрик" по производству стимулирующих препаратов непрерывно возрастает, и этот процесс не поддаётся никаким официальным усилиям как-то его обуздать. Только за два последних года полицией было обнаружено 25 подпольных лабораторий по производству препаратов из группы возбуждающих аминов.

Участившиеся случаи приёма спортсменами различных наркотиков, гормональных и других препаратов для улучшения своих спортивных показателей вызвали, как известно, необходимость проведения специального тестирования спортсменов на ответственных международных соревнованиях, включая Олимпийские игры.

Однако до последнего времени теннисный спорт ставил себя выше возможных подозрений на этот счёт. До недавних пор в глазах общественного мнения он считался, по инерции прошлого авторитета, свободным от пороков, присущих другим видам профессионального спорта.

Чистый теннис ?

Теннис – индивидуальный вид спорта, где спортсмен часто в течение длительного времени – 2-3 часа – ведёт напряжённейший по физическим и психологическим затратам поединок на виду у многочисленных зрителей. По правилам профессионального тенниса даже тренер во время матча не имеет права дать совет своему сражающемуся подопечному. Надо ли говорить, как важен в этих условиях волевой настрой спортсмена, его способность сохранять концентрацию внимания в течение всей встречи, умение быть предельно отточенным при розыгрыше мяча в решающие моменты матча, хладнокровно анализировать по ходу развития поединка сильные и слабые стороны с игрой соперника и соответствующим образом корректировать свой игровой план.

Как говорят эксперты тенниса, в начале матча две трети успеха спортсмена зависят от его физической подготовки технической оснащённости, однако на завершающей стадии психологический настрой на две трети определяет победу или поражение спортсмена.

Учитывая, что ведущие профессионалы сражаются в своих теннисных поединках за высокие денежные ставки, что уровень профессионального мастерства этой группы спортсменов приблизительно одинаков, дополнительный психологический стимулятор на заключительном этапе соревнований может оказаться решающим для победы.

Это не просто теоретическое рассуждение. Хорошо известным историческим фактом остаётся пример папаши Ленглена – постоянного тренера своей дочери Сюзанн, знаменитой французской теннисистки 20-х годов, который, не скрывая этого, в трудные минуты матча обычно давал ей хлебнуть глоток коньяка из своей серебряной фляги.

При современных нагрузках теннисисту подкрепляться алкоголем во время состязаний просто неразумно. Ведь появилась масса препаратов, которые производят нужный эффект более быстро и продуктивно. Что касается последствий для здоровья, то ведь они будут потом, а деньги – сегодня.

На фоне скандальных историй, связанных с употреблением спортсменами наркотиков, поражающих и такие "чистые" виды спорта как бейсбол, английский крикет, теннис пока выглядит почти безупречным.

Большая заслуга в этом принадлежит Международному совету мужского профессионального тенниса (МСМПТ) – организации, призванной контролировать проведение всех теннисных соревнований "круга" "Гран при".

Ей до самого последнего времени удавалось не только уходить от принятия каких-либо мер по выяснению степени проникновения наркотиков в теннис, но даже просто от обсуждения этой проблемы.

Однако накапливающиеся косвенные свидетельства всё настойчивее говорят, что такая проблема в профессиональном теннисе существует и закрывать на неё глаза больше просто нельзя.

В своей книге "Короткое замыкание" М.Мьюшоу приводит интервью по этому вопросу с руководителями профессионального тенниса, организаторами турниров, представителями фирм-агентов, самими спортсменами. Большинство из них в той или иной степени признает наличие данной проблемы в профессиональном теннисе.

Мьюшоу, в частности, приводит подробный разговор, который он имел с доктором Милманом, психиатром медицинского колледжа Корнуэльского университета в Нью-Йорке, в отделении которого лечатся от наркомании многие профессиональные спортсмены.

"Когда я спросил его, – пишет Мьюшоу, – есть ли такая проблема, как наркомания, в профессиональном теннисе, он ответил: "Несомненно. Деньги и внешний антураж профессионального тенниса заставляют многих спортсменов часто вступать в контакт с другими представителями шоу-бизнеса и различными знаменитостями, которые склонны к употреблению кокаина в больших дозах. Некоторые спортсмены не выдерживают искушения и начинают употреблять наркотики, имитируя привычки своих высокочтимых друзей или в попытке как-то, хотя бы временно, снять тот процесс озабоченности и беспокойства, под которым они постоянно находятся".

...Я сказал ему, – пишет далее Мьюшоу, – что слышал о том, что некоторые теннисисты принимают героин. Доктор Милман подтвердил это и объяснил, что они употребляют этот наркотик в виде порошка, вдыхая его через нос, а не внутривенно..."

Доктор Милман, по словам автора, не был уверен в том, что спортсмены-теннисисты употребляют кокаин только на отдыхе, "для развлечения". Он подтвердил, что знает и о таких спортсменах, которые прибегают к помощи этого наркотика во время матча. Доктор слышал, что некоторые спортсмены посыпают кокаином свои эластичные повязки на запястьях рук и, когда нужно "поднять" свою игру в моменты решающего розыгрыша мяча, вдыхают с них кокаин.

"Для тех спортсменов, кто хотел бы "оживить" свою игру, препараты из группы возбуждающих аминов ещё эффективнее служат этой цели, сказал Милман... Доктор при этом подчеркнул ужасные побочные эффекты, которые оказывают на спортсмена стимулирующие препараты. Они повышают его кровяное давление, делают на время его параноиком, а то и просто психом, и подверженным апоплексическим ударам и инфартам".

Те же из спортсменов, которым удалось избавиться от привычки употреблять амины, как правило, весьма редко снова приближались к уровню игры, соответствующему их потенциальным способностям.

"Скорость" делает тебя лучше, – сказал доктор Милман, – затем она тебя губит.

То же самое можно с полным основанием сказать и о других наркотиках, которые употребляют спортсмены на профессиональном теннисном "круге".

Ставшие достоянием общественности многочисленные свидетельства употребления наркотиков теннисистами-профессионалами заставили и руководителей профессионального тенниса изменить тон своих выступлений по этому вопросу и по форме, и, главное, по существу.

Дерек Хардвик из Международной теннисной федерации, по сообщению "Санди таймс" от 13 января 1985 года, признал, например, что "опасается того, что теннисисты употребляют наркотики в течение последних 20 лет."

"Мы думаем, – цитирует его газета, – что в теннисе есть проблема наркотиков, во многом такая же, как и большинстве других видов спорта (профессионального). Правда, в теннисе она никогда не проявлялась публично, однако мы хотим быть готовыми к тому, если это случится".

В ноябре 1985 года Международный совет мужского профессионального тенниса, руководящий орган мужского профессионального "круга", принял решение о проведении в 1986 году тестирования спортсменов-теннисистов на наркотики на двух крупнейших состязаниях из серии "Гран при".

100-й Уимблдонский чемпионат стал, таким образом, первым соревнованием профессионального тенниса, на котором все спортсмены-мужчины, а также некоторые судьи в обязательном порядке прошли тестирование на наркотики.

Что же показали результаты эксперимента? О них, к сожалению, никто, кроме руководства профессионального теннисного "круга", не знает. Результаты тестирования спортсменов объявлены конфиденциальными, не подлежащими публичной огласке.

Такое решение теннисных властей, принятое под влиянием бизнеса, стоящего за профессиональным спортом, вызвало нареkanie даже со стороны официального Лондона.

В английском парламенте это решение МСМПТ квалифицировалось как "безответственное". Представитель Скотланд-Ярда заявил, что данное английское ведомство будет проводить свою собственную кампанию по борьбе с наркотиками среди спортсменов и что он не исключает в этой связи полицейский рейд в спортивные раздевалки Уимблдона, что, может быть, и было бы оправдано в свете откровенного признания В.Гирулайтиса – одного из ведущих профессионалов конца 70 – начала 80-х годов – в интервью популярному журналу летом 1987 года в том, что профессионалы тенниса действительно употребляют наркотики на регулярной основе.

Но и в этом вопросе проявились все составные элементы хвалёного механизма западной демократии: политики пошумели, порядили, а всё осталось так, как того требует бизнес, – с результатами тестирования спортсменов во время Уимблдонского чемпионата пока знакомить общественность не велено.

Так что "чистоту" профессионального тенниса блюдут очень рьяно, причём именно те, кто на нём больше наживается. Ещё бы, ведь его благопристойность помогает делать сборы, то бишь деньги, – и этому, вольно или невольно, профессиональный теннис Запада служит в своём нынешнем спортивно-развлекательном амплуа.

А для полицейских рейдов типа "Волшебник" в одном только Южном Лондоне, помимо Уимблдона, мест более чем достаточно.

ФИНАЛЬНЫЙ АКТ

Ежегодный теннисный чемпионат в Уимблдоне разыгрывается в течение двух недель в чётко определённом временном интервале неустойчивого английского лета. Он традиционно начинается за шесть недель до первого понедельника августа и завершается финальными поединками мужчин и женщин соответственно в первую субботу и воскресенье июля, если в этот распорядок не вносит свои коррективы капризная английская погода.

Такая особенность временного диапазона этих соревнований объясняется не столько желанием проводить чемпионат в дни максимальной световой продолжительности, хотя это, очевидно, и учитывается, сколько исторически устоявшимися рамками светского летнего календаря местного высшего общества.

"Наконец-то лето пожаловало в Англию. Королевский Эскот расцвёл модными туалетами на фоне породистых скакунов. Уж скоро и "Пиммс" рекой польётся в Хенли, и Уимблдон, который открывается завтра, приготовился к выходу на центральную сцену".

"Даже солнце засветило ярче..." – с умилением писала популярная газета "Мейл он Санди" 22 июня 1986 года.

Светский "Сезон" в Англии, как об этом рассказывалось ранее, обычно начинается с июня и включает в себя обязательные для избранных скачки в Дерби и Эскоте, теннисный турнир в Уимблдоне, гребную регату в Хенли, международные соревнования по крикету на лондонском стадионе "Лордс", не считая ежегодных официальных приёмов по случаю дня рождения правящей королевы Елизаветы II, её мужа, старшего сына, невестки и ряда других, менее значительных событий, отмечаемых королевской семьёй и светской общественностью страны в этот период.

"Есть целый ряд спортивных соревнований (в Англии), – откровенно признаёт консервативная "Таймс", – которые здесь не считаются таковыми в полном смысле этого слова: Уимблдон, Хенли, традиционный матч по крикету между знаменитыми школами Итон и Харроу и, конечно, королевский Эскот.

На этих так называемых спортивных мероприятиях спортсменов с мировым именем, по существу, низводят до положения уличных музыкантов, развлекающих очередь, стоящую за билетами в кинотеатр, – людей, на которых можно поглазеть, если в данный момент больше нечем заняться".

Подмечено хотя и зло, но справедливо.

Посещение таких светско-спортивных мероприятий по шкале местных ценностей само по себе служит убедительным доказательством причастности к элитарной верхушке правящих классов Великобритании, которые до сих пор, истово следуя инерции традиционного снобизма аристократического прошлого, рассматривают эти встречи главным образом как удобный повод для общения и развлекательного времяпровождения на свежем воздухе в узком кругу "избранников". Для многих, особенно для тех, кто не обладает родословными аристократическими "корнями", быть здесь – равнозначно официальному подтверждению служебно-деловой значимости и

достойного положения в непростой иерархии местной власти и высшего аристократического общества, которые здесь органически сливаются без какой-либо видимой взаимной негативной реакции.

Посему ни о каких переносах сроков проведения таких соревнований по причине чисто спортивной целесообразности просто не может быть и речи.

Президент Международной теннисной федерации Ф.Шатрие, к примеру, неоднократно обращался к устроителям Уимблдона с просьбой перенести сроки проведения теннисного чемпионата в Лондоне на конец июля. Шатрие мотивировал своё предложение необходимостью предоставить теннисистам больше времени для лучшей подготовки к выступлениям на травяных кортах Уимблдона после открытого первенства Франции, проводимого, как всегда, в середине июня на грунтовых кортах парижского стадиона "Роллан Гаррос".

"Каждый раз, когда мы выходим с предложением об изменении срока проведения чемпионата, – признаёт Шатрие, – мы упираемся в стену."

"Мы организуем теннисные соревнования в Уимблдоне вот уже в течение 100 лет, – слышится в ответ от устроителей этого чемпионата, – зачем же теперь что-то менять?"

Классовая заторможенность характерная для правящих классов капиталистических стран, особенно ощутима в специфических условиях Англии. Зашоренные традициями своего "славного прошлого" и ещё не растраченного экономического потенциала, подстёгиваемые время от времени рецидивами "имперского мышления", они не желают в целом ряде случаев воспринимать реальность окружающего их мира в том виде, в каком она сегодня существует.

Удобным подспорьем в этом служат различные ритуальные обычаи и церемонии как средневековья, так и недавнего прошлого, искусно привитые к ткани современной английской жизни и благоговением культивируемые и оберегаемые сверху.

Сень вековых традиций умело используется правящими классами страны как шатёр, под покровом которого "всеанглийские джентльмены", продолжают тешить себя иллюзией неизменности жизненного обустройства Соединённого Королевства Великобритании и, разумеется, своего собственного, хотя бы во время "Сезона" на зелёных газонах замкнутой территории Уимблдона.

Очевидно, поэтому главные церемониальные элементы ритуального обрамления Уимблдонского турнира свято соблюдаются в почти неизменном виде и в наши дни.

Как здесь принято, спортсменов персонально доставляют на соревнования и затем развозят по гостиницам после игр на легковых автомобилях, украшенных эмблемой Уимблдона, за рулём; которых сидят молодые и симпатичные девушки. За право работать шофёром такого автомобиля в течение 2 недель чемпионата среди английских девиц каждый год идёт жесточайшая борьба.

Многочисленные желающие прикоснуться к широко разрекламированному миру профессионального тенниса с его деньгами, бликами фотовспышек, вояжами через океаны, хорошо знают, что тем самым повышают свой социальный статус в глазах местной общественности.

Строгое сито отбора оставляет в конце концов сотню счастливиц, удостоенных права сесть за руль уимблдонских автомашин.

Победительница конкурса на должность водителя должна быть не просто молодой, красивой, образованной, прекрасно водить автомобиль, желательно знать иностранные языки, но что самое главное – она должна соответствовать образу "Всеанглийского клуба". Как соответствовать такому образу, в условиях конкурса не расшифровывается. Тем не менее, учитывая, что за рулём уимблдонских автомобилей, как правило, сидят симпатичные, молодые женщины спортивной комплекции, можно предположить, что, очевидно, именно это и соответствует заданной идее. Правда, устроители Уимблдона 1987 года на всех легковых автомобилях, обслуживающих участников соревнований и прочих официальных лиц, начертали лозунг: "Готовы на всё!" Так-то яснее.

И сегодня спортсмены в сопровождении служителя проходят из раздевалки по пути на Центральный корт через холл, в котором стоят главные призы турнира, а на противоположной стене вывешен почётный список всех победителей этого чемпионата.

На Центральный корт спортсмены выходят, как всегда, через те двери, над которыми выгравированы слова из стихотворения Р.Киплинга "Если...":

...И будешь твёрд в удаче и несчастье,
Которым в сущности цена одна...

В небольшой комнате ожидания перед самым выходом на Центральный корт спортсменов предупреждают о присутствии в королевской ложе членов королевской семьи и напоминают мужчинам о необходимости сделать поклон, а женщинам – реверанс в сторону этой ложи.

"Это было серьёзным испытанием,- вспоминает выдающийся теннисист австралиец Р.Лейвер о своём первом поклоне на Центральном корте. – Я беспокоился, что буду выглядеть, как идиот. Если вы – не японец и не общаетесь с лицами королевских кровей, то, вероятно, вряд ли знаете, так же как и я, каким образом следует кланяться. Самое главное – не наклониться слишком низко, чтобы не упасть лицом вниз, поскольку это будет выглядеть некрасиво. Быстрый поклон, сопровождаемый подобием улыбки, - вполне достаточен".

Спортсменам во время игровых интервалов предлагается в качестве прохладительного напитка "ячменная вода", как это делалось и сто лет тому назад.

Высколенные мальчики, подбирающие мячи во время соревнований, передают их подающему теннисисту ударом о землю, причём таким образом, чтобы мяч доходил до спортсмена только после одного обязательного отскока.

На Уимблдоне теннисисты по-прежнему играют в спортивной форме преимущественно белого цвета.

В первый день чемпионата 1984 года уже вышедшего на разминку на Центральный корт американского спортсмена Макинроя вновь послали в раздевалку: он вышел на площадку в шортах темно-голубого цвета, забыв о существующих и тщательно соблюдаемых правилах одежды этого чемпионата. А в 1987 году заставили переодеться Ш.Граф, когда она вышла на тренировку на один из внешних кортов Уимблдона не в традиционной белой форме.

Консерватизм Уимблдона особенно проявляется в отношении женской спортивной экипировки его участниц.

С годами женская теннисная форма, не теряя своей элегантности, становилась, как известно, удобней, функциональней и всё более подверженной моде, как обычная женская одежда.

Однако, когда во время игр чемпионата 1985 года американская спортсменка А.Уайт вышла в Уимблдоне на корт, облачённая в "боди стокинг" – плотно облегающий фигуру белый комбинезон наподобие тех, которые носят конькобежцы, – в перерыве ей было рекомендовано переодеться в общепринятую форму женской теннисной одежды, что она послушно и сделала.

Практически неизменной остаётся и церемония награждения победителей Уимблдонского турнира, отретпетированная до автоматизма многократным повторением и соответствующей муштровкой.

Поступок П.Кэша, бросившегося на радостях после окончания своего финального поединка с Л.Лендлом в 1987 году на трибуну к своим родным, пожалуй, единственное в истории Уимблдона исключение, задержавшее начало церемонии награждения на 3-4 минуты.

Последний удар по мячу в финальном матче служит сигналом к мгновенной "смене декораций" для предстоящего традиционного "шоу", главными героями которого выступают присутствующие члены королевской семьи, чаще всего племянник королевы герцог Кентский с супругой в силу своей "общественной нагрузки" – почётной должности президента "Всеанглийского клуба".

Восторг победившего спортсмена недолог. Ему и его бывшему сопернику сразу же напоминают о необходимости быстрее собрать свои теннисные принадлежности, разбросанные вокруг стульев в отведённом месте, где они отдыхали во время матча при смене площадок, привести себя в порядок для встречи с лицами королевского происхождения.

Пока два теннисных "гладиатора", сгорбившись под судейской стойкой, наспех укладывают в сумки свои вещи, причёсываются, надевают спортивные костюмы, внимание 15-тысячной аудитории Центрального корта полностью переключается на королевскую ложу. В ней наметилось определённое движение. Со своего места в первом ряду поднялся герцог Кентский и, разговаривая о чём-то с супругой, медленно скрылся в затемнённой глубине ложи. За ним с небольшим интервалом потянулись остальные.

Тем временем на самом теннисном корте команда отлично вымуштрованных мальчиков, подающих спортсменам мячи во время соревнований, споро разбивается на две шеренги, образуя "живую аллею", ведущую от выхода на этот корт к центру площадки, где судейская бригада в свою очередь быстро выстраивается вдоль теннисной сетки, замыкая собой ту половину площадки, которая отводится под проведение торжественной церемонии награждения победителя.

Аудитория Центрального корта, вместе со стоящими в стороне спортсменами, замерла в ожидании торжественного выхода знатной процессии. Ещё несколько мгновений – и вот она появляется.

Впереди герцог с герцогиней. Они медленно вступают на корт в створ прохода, обозначенного двумя шеренгами мальчиков. Герцог и герцогиня медленно шествуют вдоль строя этого "почётного караула", периодически, независимо Друг от Друга, останавливаясь около кого-то из мальчиков. Они задают им вопросы, внимательно выслушивают ответы и переходят к следующему, чтобы ещё раз поинтересоваться, сколько же очередному мальчику лет и кем он собирается быть, когда вырастет.

Посетители Центрального корта внимательно разглядывают между тем фасон платья герцогини, её причёску, цветовое сочетание строгой сорочки поджарого герцога с неброским шёлковым галстуком: члены королевской семьи, особенно те, кто помоложе, помимо прочих "общественных" обязанностей, давно стали здесь законодателями моды. Так за разговорами герцог и герцогиня Кентские достигают, наконец, места в центре площадки, отведённого для предстоящей церемонии.

Здесь к ним подтягиваются председатель "Всеанглийского клуба", члены Организационного комитета, иногда для придания большей торжественности в процессию включают кого-либо из ветеранов – прошлых победителей Уимблдонского турнира. Герцогам представляют судей, они жмут им руки, о чём-то оживлённо беседуют.

Представитель Организационного комитета, наконец, приближается к президенту "Всеанглийского клуба" и, тактично наклоняясь к его уху, напоминает ему порядок проведения церемонии награждения финалистов. Да, да, конечно, лица герцогов-супругов фиксируют однородную приветливо-светскую улыбку, за которой без труда читается привычная формальная готовность выполнить свою "генеральскую" функцию. Где же приз? А где победитель?

К герцогам тут же с одной стороны подносят приз сначала для проигравшего в финале, а затем главный – для вручения чемпиону. Подводят к ним и самого чемпиона. Супруги поздравляют победителя, любезно предлагают подержать в руках почётный кубок. После этой церемонии приз победителя, как известно, сдаётся на постоянное хранение в теннисный музей Уимблдона.

Победитель поднимает большую металлическую вазу на вытянутых руках вверх, целует её – одним словом, выражает восторг, регулируемый собственным темпераментом. Этому момента с нетерпением ожидают многочисленные фотокорреспонденты, которые запечатлевают "миг" торжества победителя, а заодно и наручные часы швейцарской фирмы "Эбель" или какой-либо другой предмет, который он постоянно носит в рекламных целях, разумеется, за крупное денежное вознаграждение от этой фирмы.

Пока идёт съёмка, супруги-герцогини вместе с сопровождающими их лицами, не привлекая к себе внимания, в типично английской манере, поднимаются обратно в ложу.

У победителя к тому времени служители забирают приз и предлагают, ещё раз напомнив про обязательный поклон в сторону королевской ложи, пройти в раздевалку, где его по традиции ожидает подарок – фирменный галстук почётного члена "Всеанглийского клуба".

Вопрос о том, куда переводить денежный чек на крупную сумму, причитающуюся победителю, не возникает: он уже отрегулирован коммерческим директором очередного чемпиона.

Спортсмену остаётся только принять душ, и он может считать себя свободным до вечера, когда, по традиции в ресторане "Савой" должен состояться приём в честь победителей открытого первенства Англии по теннису.

А королевская ложа продолжает приковывать к себе внимание многотысячной аудитории Центрального корта. Чувствуется, однако, что в данный момент в ней зависла определённая нерешительность. Останется ли герцог на финальный матч женских пар или уедет? Пока он не покинет ложу, неудобно расходиться. А он разговорился с лордом Джелликоу и не проявляет внешне своих намерений.

Даже издали заметно, что в ложе наступает томлящая пауза, когда присутствующие вроде бы беседуют друг с другом, а на деле – ожидают дальнейшего развития событий, очередного хода главных действующих лиц продолжающегося спектакля.

Возникшая заминка обычно устраняется председателем "Всеанглийского клуба", как правило, при помощи его коронного предложения: "А почему бы их королевским высочествам не подкрепиться чаем, ведь уже пятый час?"

"Действительно, почему бы нет, – соглашаются их королевские высочества, – за чаем и решим, что будем делать дальше". И большинство присутствующих в ложе вслед за герцогом и его супругой степенно переходят с авансцены, открытой для всеобщего обозрения, во внутренние закрытые помещения, непосредственно прилегающие к ложе.

В просторной, офанерованной светлым дубом гостиной, куда перебазировались обитатели королевской ложи, можно непринуждённо разместиться в удобных креслах, вокруг свободно расставленных низеньких столиков. Вышколенные официанты бесшумно и споро разливают свежесваренный чай в изящные фарфоровые чашки, предлагают сливки, молоко, печенье, традиционную клубнику. Пить крепкие напитки, за исключением коктейля "Пиммс", в это время дня считается дурным тоном.

Стук чайных ложечек по тонкому веджвудскому фарфору перемежается с более глухим постукиванием чашек о блюдца, поскрипыванием кресел, с частыми "благодарю вас". Присутствующие оживлённо обмениваются мнениями, в частности о том, что современные теннисисты – "не джентльмены": разве можно так искренне радоваться ошибкам своих соперников, как это постоянно делает Беккер?

Обсуждаются последние новости проходящей в эти же дни регаты в Хенли. "Там, говорят, опять студенты из Оксфорда отличились: на спор разделись догола и катались по реке на лодке у всех на глазах". – "Кстати, о студентах: виконт Готфрид фон Бисмарк – сокурсник по Оксфордскому колледжу той самой дочери члена кабинета министров, которая отравилась наркотиками в комнате правнука "железного канцлера", – сам оказался в частной наркологической клинике. Скучать ему в ней, по-видимому, не придётся. Там "отмокает" в ожидании суда его друг – молодой маркиз Блендфорд". – "Думается, напрасно наследник престола принц Чарльз согласился принять участие в торжествах, которые затевают французы по случаю 900-летия со дня смерти Вильгельма Завоевателя. Всё-таки ещё раз напоминать миру, что Англия была когда-то завоёвана, да ещё кем? Французами!" – "Моя дорогая, вы здесь ошибаетесь: Нормандия в те времена не была частью Франции".

И, конечно, высказываются соображения по самой животрепещущей проблеме сегодняшнего дня: в каких туалетах появятся Даяна и Сара – жёны королевских сыновей на предстоящем королевском приёме. Кто, кстати, приглашён на него?

Разговоры за столиками в этой просторной гостиной то вспыхивают, то затухают, сливаясь в общий приглушённо журчащий гомон, который мягко обволакивает, убаюкивает своим негромким, размеренным ритмом.

В полузашторенные окна гостиной, укрытые снаружи – с внешней стороны Центрального корта – ниспадающей пеленой вьющегося плюща, вползают прозрачные летние сумерки.

С теннисных кортов всё ещё доносятся сочные удары туго натянутых ракеток по новеньким ворсистым мячам фирмы "Шлезинджер". Слышатся вздохи трибун, временами вспыхивают вежливые аплодисменты.

Пахнет свежескошенной травой, ароматным чаем, табачным дымком. Монотонно жужжит случайно залетевшая муха. Паузы в разговорах становятся длиннее. У кого-то сидящего в этой гостиной голова дремотно клонится на грудь.

И ему кажется, что время остановилось и всё на свете замерло в своей неизменности, что незримая лента Гринвичского меридиана, завязанная где-то поблизости, опоясывает всё ту же "весёлую, старую" Англию, всё тот же мирок "всеанглийских джентльменов", уютно примостившийся на лужайках своего "Клуба". Ему так хочется верить в это.

Садится солнце...